

Книга 4 ИУДИН ХЛЕБ

Часть 3 «МЕСТО НОВОЕ, ДА ПЕСНИ СТАРЫЕ...»

ГЛАВА 1

Год 1946-й оставил добрую метку в жизни Егора и его жены. Семья состоялась, растёт весёлым и здоровеньким желанный ребёнок, на работе всё ладится, а домик, тёплый и уютный, надёжно укрывал их от суровых сибирских морозов. А тут ещё всегда рядом близкое и любящее существо – Алёна Ивановна. Пожилая женщина, бабушка, в невыносимо тяжкое время она сумела заменить им и мать, и отца, поддержала их молодую семью.

Ещё тем был памятен Егору этот год, что не было в нём места для страшного и ненавистного ему Бориса Ивановича. Как исчез куда-то в конце 1945-го, так и не было о нём ни слуху ни духу до

* Продолжение. Начало читайте в журнале «Огни Кузбасса», № 4, 5 за 2008 г.; № 4–6 за 2011 г.; № 3–5 за 2014 г.; № 3, 4 за 2018 г.

конца 1946-го. Зато появился он как нельзя кстати и легко помог избавиться Егору от его злобных врагов – Петра и Кешки, а потом снова куда-то исчез. Несколько дней ходил радостный Егор от сознания того, что теперь никто не будет угрожать ни ему самому, ни его жене-красавице. Так, глядишь, и людская молва мало-помалу забудет о её прежних прегрешениях. «Жизнь налаживается – и слава Богу!» – подумал он так и себе удивился: комсомолец, он всегда ворчал на бабушку, когда она раз за разом склоняла его поминать Бога и молиться, а тут, поди ж ты, сам его вспомнил!

19

Такие мысли роились в его голове, когда он ходил с тяжёлой сумкой, набитой ключами, по тёмным и крутым уклонам своей шахты, и даже тогда, когда вместе с товарищами по бригаде ремонтировали шахтовое оборудование. На его чумазом от угольной пыли лице, да ещё в полной темноте, едва нарушаемой тусклым светом шахтёрских ламп, а заметили товарищи улыбку, что не оставляла его.

– Гоша, а чтой-то ты который день ходишь радостный, как будто по лотерейке выиграл чего? – участливо спросил его самый старый работник в бригаде Афоня Маленький.

Начинал Афоня свою горняцкую биографию ещё в дореволюционные годы на Кольчугинских

копях, а теперь вот помогал молодым постигать азы слесарного дела под землёй, на шахте «Пионерка». И сил ему хватало, несмотря на солидный возраст, а главное, он умел всегда подбодрить своих молодых товарищей по бригаде дельным советом или весёлой шуткой.

– Да уж так получается, дядь Афонь, – откликнулся Егор. – А чё, нельзя, что ли, чему-то порадоваться?

– Так это ведь как сказать, Егорий... – философски изрёк старый слесарь, присаживаясь на ступицы с вагонетки колёса, и полез в карман за папиросами.

– Афоня! – строго откликнул его звеньевой Маслаков, не улыбочивый сорокалетний мужчина. – Опять ты смолить собираешься! Забыл, что инженер по технике безопасности говорит: метан здесь! Взорвёшь нас всех, к чёрту, когда-нибудь!..

– А-а! – отмахнулся старик. – Сколько работаю – столько курю, другие курят – и ничего! Да и курью-то я не в себя, а только дым пускаю...

Сказал и первый рассмеялся, приглашая за собой и молодёжь.

– Ну, Афоня, не понимаешь по-хорошему – доложу начальнику, пусть тебя премии лишат!

– Ай, твою премию раз в год не дождёшься, а курить-то кажин день хочца. – И тут же вернулся к Егору. – Коли у тебя с утра до вечера блаженная улыбка не сходит с лица, должно быть, радость большая за душой, так ты поделись – может, и мы порадуемся вместе?..

Подумал Егор и решил, что о причинах своего радостного настроения говорить не стоит – не так поймут товарищи, и потому отмахнулся от Афони, как от мухи:

– Ай, дядь Афонь, ничё хорошего, просто так улыбаюсь...

– Оно, конечно, бывает и так, – сказал старик, несколько обиженный таким ответом юноши, и пустил струю дыма через нос, – а только ты не забывай, Гошка, что старые люди говорят: радость без причины – признак дурачины!

– Афанасий, так ведь смех без причины – признак дурачины, а ты что выдумал? – поправил было строптивного ветерана звеньевой.

– Ну, где радость, там и смех, разве не так? – Старик был рад тому, как он исправил свою оплошность, и продолжал курить молча.

Как ни странно, но именно этот разговор резко переменял настроение Егора, и ему вдруг вспомнился Борис Иванович! Ведь это он ему

помог расправиться с обидчиками, а значит, он вернулся и теперь снова будет требовать от него что-то вынюхивать, выслушивать и обо всем ему докладывать, что Егору так сильно не нравилось. С той самой поры он перестал беспричинно улыбаться, а с напряжением и страхом ждал новой встречи с этим страшным человеком.

Уже прошла зима 1947-го, а Борис Иванович так и не появился на шахте, зато объявился Юрка Рыжов. Подгадав под выходной, он пришёл к Кузнецовым домой и застал всю семью в домашних хлопотах. Алёна Ивановна суетилась у печки, Фаина, простирнув бельё, отправила Егора развешать его на верёвку во дворе. Там-то и встретились дружки после долгой разлуки. Гость помог хозяину закончить работу, после чего они присели на скамейку у калитки, закурили и повели сумбурный разговор, согретье ранним, не по-весеннему жарким солнцем. За год с небольшим столько нового было в их жизни, что даже та короткая встреча в Белово не убавила тем для разговора.

– Всё, решил вернуться, – как-то обречённо говорил Юрка. – Надоело там! Зарплата меньше, чем здесь, далеко ездить, да и мать заболела, в общем, будем работать вместе, как и раньше.

– А тебя возьмут на участок-то? – осторожно спросил Егор. – Я слышал, что на тебя начальник чего-то ругался?

– Ай, ну его! Я закончу курсы и пойду работать на очистной участок, так получка вдвое больше, чем у слесаря!

– О! – уважительно произнёс Егор. – А мне туда можно будет?

– Ну когда обживусь, я тебя перетяну, подождёшь немного?

– А то! Вдвоём-то всё веселее...

Тут же Егор рассказал дружку, как закончилась их операция в отношении Пети и Кеши. Посмеялись, довольные собой, а потом Рыжий спросил про Богданова. Егор помрачнел и рассказал о единственной встрече с Борисом Ивановичем, которая и решила весь исход их хитроумной мести.

– Да, забыл что-то нас «дядя»... – с кривой усмешкой проговорил Рыжов.

– А по мне, так хорошо, что его нет, – горячо зашептал Егор. – Так спокойнее, а то баба всё косилась на меня, видно, догадывалась... А тут ещё Фая...

– Это жена, что ли? Показал бы другому?..

– Да она там с ребёнком, – кивнул Егор в сторону домика, – потом как-нибудь познакомлю...

В это время на крыльцо с тазиком в руках вышла Фая. Выплеснув грязную воду, она подошла в парням.

– Ты чё расселся тут, Егор? Надо Витюшку одевать...

– Щас, Фаечка, щас, – торопливо заговорил Егор, вскакивая со скамейки.

– Здрасьте! – Рыжов тоже встал и чуть поклонился женщине, сняв кепку.

– Здрасьте! – откликнулась молодая женщина, цепким взглядом оценив достоинства нового знакомого: рослый, с лица гладкий, выглядит посolidнее, чем муж...

– Знакомься, это Юра Рыжов, мой дружок! Мы с ним работали...

– А-а, ну да... Он что, с нами гулять пойдёт? – спросила она с вызовом.

– Нет, что вы – у меня дела... Увидимся потом. Если что, заходи. Помнишь, где я живу? – Махнув рукой на прощанье, он отправился по улочке, ведущей к центру посёлка.

Когда они поднялись на крыльцо, дверь внезапно открылась и выглянула Алёна Ивановна:

– Ну где вы? Ребёнок уже готов, а вы?..

– Да вот, бабуля, к Гоше дружок приходил – познакомились ...

– Это кто же? Уж не Рыжий ли? – недовольно спросила женщина и с сильным прищуром посмотрела вслед уходящему парню. – Он! Вот чертяка, нашёлся-таки!..

– Ой, баб, ну что ты так? Он хороший парень... – начал было Егор, но Алёна Ивановна резко оборвала его:

– Хороший! Пить научил тебя, курить, ещё чему-нибудь научит! Вот у тебя хороший парень – Фаина, жена твоя, да сын Витюшка! Ты об них должен перво-наперво думать! Куда он тебя звал?

– Да куда, баб, он на шахту вернулся, пришёл в гости, а мы его даже в дом не позвали...

– Обойдётся! Вот когда женится, пусть и приходит с женой да ребёнком, а твоя холостяцкая жизнь закончилась!

Егор и Фаина незаметно от женщины недоумённо переглянулись: им был непонятен такой её настрой. А она ни с кем не могла поделиться тревогами, что терзали её каждый раз при встрече с этим Рыжим.

Вскоре объявился и сам Борис Иванович. 22 апреля на площади около комбината шахты состоялся праздничный митинг, посвящённый 77-летию со дня рождения Ленина. С самого утра из динамика-тарелки, укрепленного на столбе перед входом в здание, раздавались бра-вурные праздничные песни, а со всех концов посёлка шли вереницы людей. Митинг открыл парторг шахты. Поздравив всех собравшихся, он дал слово начальнику шахты. Потом к микрофону подошли другие ораторы, и одним из них был старейшина шахтёрской династии Бабановых.

Слушая вполуха торжественные речи, Егор без конца крутил головой по сторонам, из-за чего Фаина раз за разом дёргала его за рукав:

– Гош, чё башкой-то вертишь? Кого потерял-от?

– Вы не меня ищете, молодой человек? – раздался сзади игривый голос Рыжего.

Кузнецовы разом обернулись, а Юрка, как и тогда, при первой встрече, слегка приподнял кепочку и весело произнёс:

– Здрасьте вам! С праздничком! – И не давая Егору времени для ответа, тут же добавил: – Гоша, а нас с тобой «дядя» зовёт, пойдём, а Фаечка пока тут подождёт.

Он потянул Егора за рукав, затем обернулся к женщине с милейшей улыбкой на лице и заговорщицки подмигнул ей. Фая неожиданно для себя тоже хитро подмигнула ему. Это перемигивание осталось Егором незамеченным.

Борис Иванович поджидал их в стороне от здания комбината, на лавочке около волейбольной площадки.

– Ну, здорово, комсомольцы-ленинцы! С праздником! Готовы дальше служить делу революции? – Заметив, как неуклюже замялись парни, он со смехом сказал: – Что растерялись? Вы должны ответить: «Всегда готовы!» Ну?!

– Ладно, Борис Иванович, – примиряюще протянул Юрка, – мы же не пионеры!

– Вижу, что здоровые мужики, а потому сразу к делу! Скучали, должно быть, без меня? Пони-маю... А вот я проститься с вами пришёл...

– Как?! – одновременно вскрикнули оба, и в голосе каждого звучала плохо скрытая радость.

Заметив это, Богданов нахмурил брови и деланно сердито добавил:

– Обрадовались? А зря! На покой захотелось? Надоело с дядей Борей в шпионов играть? Ан нет, господа комсомольцы! Я не один в такие

игры играю, нас много, и вас уже знают, а потому вместо меня придёт другой «дядя», так же позовёт куда-нибудь и что-то прикажет... Не попросит, а прикажет. Ясно вам? Это бабушка с дедушкой могут вас о чём-то попросить или жена твоя, Гоша, а у нас все люди военные и разболтанности не любят. Помните, я вам говорил, что за огласку о том, что вы секретные агенты, вас ждёт лагерь или... Ну, я думаю, вы до этого не дойдёте. Время и место встречи вам укажут...

– А кто? – произвольно вырвалось у Егора.

– А вот этого, мальчик Гоша, даже я не знаю!

Он же вам расскажет о своих требованиях. Не говорю, что вы его должны любить и жаловать, как меня... – он насмешливо хохотнул при этом, – но уважать и побаиваться нужно!

– А мы вас больше не увидим? – бесстрашно спросил Юрка.

– Кто знает, жизнь – она длинная, но если где-то встретите меня, то с криками и поцелуями бежать ко мне не надо! Нужно будет, я вас сам позову, а так – мы не знакомы! Ну, Егор, береги свою птичку, чтобы коршуны её не обидели. Кешу-то с Петей определили на курорт, слышал? По пять лет им дали! Если живые вернуться сюда – бойся их мести! Впрочем, к тому времени вас уже тут может и не быть...

– Как так?! – снова хором вскрикнули парни.

– «Пионерку» скоро будут реконструировать, и часть рабочих распределят по другим шахтам: кого на «Бабанаконскую», кого на «Чертинскую 2/3», её уже достраивают, а подробнее вам об этом расскажет ваш новый «дядя», что придёт вместо меня. Ну а теперь, пионеры-ленинцы, чешите на митинг да языком не трепитесь – целее будете!

Он резко встал со скамейки, окинул своих собеседников насмешливым взглядом и упругой поступью пошёл по дороге, идущей в обход комбината шахты и праздничного митинга.

Ночью Фая долго не давала Егору спать. Подкатилась поближе и зашептала ему на ухо, чтобы Алёна Ивановна, которая спала в углу горницы около люльки с Витюшкой, не услышала.

– А куда это вы ходили сегодня с дружкой?

– А-а, так, один дядька хотел поговорить с нами...

– Поговорил?

– Ну поговорил...

– А об чём?

– Тебе это неинтересно будет...

– Причём ты знаешь, что мне интересно? Ты вон пришёл оттуда как не свой!

– Тебе показалось просто... Потом как-нибудь расскажу...

– Эй, молодёжь, поздно уже разговоры разговаривать, а то завтра проспите на работу... – раздался из угла недовольный шёпот старой женщины.

– Побожись, что расскажешь?! – не отставала Фая.

– Я – комсомолец, чтобы тебе божиться!

– Ну не слушаете меня, тогда, если Витюшка проснётся ночью – вы встаёте! – пригрозила Алёна Ивановна, и все разговоры сразу прекратились.

* * *

Между тем жизнь на шахте шла своим чередом. О её реконструкции говорили много, но дальше слов дело не шло, и лишь потом оказалось, что начало работ отложено на следующий, 1948 год. Что будет нового на шахте, доподлинно из рабочих никто не знал, но в разговорах всё чаще упоминалось, что начнётся разработка новых пластов и на большей глубине, что будут построены новые вертикальные стволы. Якобы планируется заменить рельсы откатных путей, а вместо старых малоёмких вагонов в шахту спустят новые, ёмкостью до двух тонн. На разные лады обсуждались проекты строительства в посёлке клуба, школы, детского сада и много ещё чего. Егор и Рыжий, заранее упреждённые Борисом Ивановичем о грядущих переменах и возможном их переходе на другую шахту, облегчённо перевели дух: столько работы предстоит выполнить! Кто же их и куда отправит, когда здесь понадобятся рабочие руки! Не хотелось им покидать обжитой и ухоженный угол: у семьи Кузнецовых – свой домик. Хоть невелик он, а им хватает, огородик какой-никакой и до работы рукой подать. Юрка Рыжов тоже был не рад возможным переменам: у них тоже домик неплохой, да мать его уже не вставала с кровати и любой переезд для неё был бы смерти подобен.

И ещё один вопрос придавал им бодрости и надежд на будущее: была уже середина лета, а никто вместо Бориса Ивановича так и не появился в посёлке, не потревожил их, и, казалось, они даже стали забывать о своей особой миссии тайных «борцов за советскую власть», потому дышалось им всё это время легко и свободно.

22

Но к концу лета всё поменялось в жизни друзей. Сначала умерла Юркина мать. Едва схоронили её на поселковом кладбище за Нахаловкой, как в один из обычных рабочих дней участковый Петухов пригласил Егора в комнату коменданта здания комбината, где его ждал... новый «дядя». Там уже находился и Юрка Рыжов.

«Дядей» оказался мужчина лет пятидесяти, с круглым, как по циркулю, лицом, широкоскулый, с такими же широкими, наыверт, губами. Короткопалые руки его то и дело елозили по лицу, словно смахивали с него невидимые пылинки и трепали шишковатый нос. Серые глаза, казалось, смотрели улыбочиво, выдавая их хозяина за доброго и весёлого человека. «Как Иванушка-дурочок из сказки, этот «дядя» – так оценили его парни с первого взгляда, но после небольшого разговора с ним поняли, что их новый начальник не такой уж добрый Иванушка и что он не даст им спокойной жизни...

– Ну что, орлы, нанюхались свободной жизни, пора и за работу браться!

– Дак мы и так работали всё это время, – поддал голос Рыжий, – я вон курсы закончил и теперь в забой хожу, а...

– Бэ! – резко прервал его «дядя». – Ты, пучеглазый, не вылазь, покуда не спросят! Ты на себя работал, на своё пузо, а про Родину-мать, наверно, совсем забыл, а? Сколько ты врагов народа выявил за то время, пока не было тут Бориса Иваныча? Ну, что молчите?! Тебя это тоже касается! – Он так сердито глянул на Егора, что тот даже со стула вскочил.

– Сиди, не прыгай, как козёл! Целый год Борис Иванович был в командировке, а вы ни одного сигнала не подали, хотя много чего было на шахте. Накануне Первого мая была сорвана отгрузка угля на пятом участке, а ведь там самая большая добыча на шахте! А по чьей вине полсмены простоял ленточный конвейер на втором уклоне? А кто виноват, что навалоотбойщику руку оторвало, Чептыкову, кажется? Что, он сам туда полез, по-вашему?

– Сам! – одновременно подскочили со ступеней друзья. – Нам потом начальники говорили на наряде...

– Так, может, мне начальников вместо вас взять на работу, пусть они всё вынюхивают, узнают и мне докладывают, а я им потом буду деньжат подкидывать, обувку какую-нибудь, мяско разное, свинину, конину? Нет, избаловал вас тут Борис Иваныч, со мной у вас это не пройдёт!

– Так... а как вас зовут? – спросил Егор и моментально взмок от своей смелости.

– А? – «дядя» всем телом резко развернулся к Егору, отчего тот вместе со стулом отскочил в сторону.

– Ладно, не боись! – хохотнул мужчина и представился: – Звать меня будете Пётр Петрович, фамилию вам мою знать необязательно – просто «дядя»! Раз в месяц заглядывайте сюда, в последнюю субботу, в шесть часов вечера. Да не толпитесь, а по одному: сначала ты, пучеглазый, – кинул взгляд на Юрку, – а выйдет он – ты зайдёшь. Если кто-то посторонний будет – извинитесь, мол, Ивана Петровича искали, коменданта, значит. Понятно?

– Понятно... – тяжело выдохнули парни.

– А ещё вот что надо будет вам сделать: оба, ты и ты, до снега перейдёте работать на шахту «Чертинская 2/3». Понятно? Приказ подготовят в кадрах, вам объявят, только заявления напишете о переводе на новое место работы... Знаете где это место?

– Не-е-т!.. – застывшими голосами отозвались Юрка и Егор.

– Где базар в посёлке Чертинском знаете? Видели, когда ходили к Борису Иванычу, что там слева от дороги шурфы бьют, новую шахту строят? Там раньше две какие-то шахтёнки были, а сейчас из них делают одну большую, больше «Пионерки» будет. Народу там уже много, и ещё будут прибывать, как вербованные, так и бывшие враги народа, дезертиры разные. Вот вам и нужно будет там работать – выявлять всех внутренних врагов советской власти, а потом докладывать мне. Ясно?

Его собеседники застыли в оцепенении: их страх взял от того, какие задачи поставил им новый «дядя», да ещё работать бок о бок с предателями и дезертирами, а может, и убийцами...

– Ладно, не ссыте, пацаны, раньше времени, где-то я вам подскажу, где-то сами додумаетесь, а пока меняйте свои дома на жильё в Черте. Отсюда вам не с руки будет добираться туда, не успеете к смене или будете выходить из дому на утреннюю смену пешком в три часа ночи. Встретаться будем в мясной лавке на базаре, как с Борисом Ивановичем... Не забыли, поди?

– А как... у меня семья, ребёнок, бабушка... – ежась от страха, заговорил Егор.

– Вот и крутись, ищи подходящий вариант, продавайте дома здесь, а покупайте там. Учтите – это приказ! Не выполните – я найду, за что

23

упрятать вас в каталажку лет так на пять-семь! А ещё вот что: я плохо знаю вас и ваши дела, так вот вы напишите на листочке, на простом, тетрадном, о себе – фамилию, имя, возраст, где родился, о своих живых родственниках, а также все ваши донесения, по которым органы брали врагов: фамилию врага, где и кем он работал, дату, ну хотя бы примерно: май такого-то года, сентябрь такого-то... В следующий раз принесёте свои рапорта, да смотрите, чтобы никто о них не узнал. Вопросы будут? Вопросов нет! Отлично! Свободны!

– А что, Пётр Петрович, значит, точно у нас будет новое место работы? – робко спросил Егор.

– Место-то новое, но песни будут старые, и вы их будете мне петь!

Парни молча и обречённо смотрели на своего нового начальника, а после его команды поднялись и вышли из кабинета в пустой коридор комбината. Жизнь перестала их радовать, а жить было нужно несмотря ни на что...

Своего состояния Егор уже не мог скрыть от жены, и потому, не дожидаясь вопросов, он увёл её из дома, от бабкиных ушей, под предлогом, что нужно чего-то накопать в огороде, и уже там всё ей рассказал, Алёне Ивановне они решили пока ничего не говорить: Егор ещё надеялся, что вопрос с переездом каким-то образом может отпасть. Но уже в конце следующего месяца, когда они с Рыжовым, составив записки о своих «проделанных делах», пришли на встречу с «дядей», Егор понял, что переезд неизбежен...

Остановившись перед входом в здание, Юрка потянул Егора за рукав в сторону и попросил показать, что он написал. Егор молча протянул сложенный вчетверо тетрадный листок с записями. Пробежав его глазами, Рыжов спросил с кривой усмешкой:

– А ты чё Максима не написал?

– А зачем Максима-то? Он же сам...

Егор смотрел на друга так, словно просил пощады, но тот, похоже, не понял его и продолжал насмехаться:

– Ничё – «сам»! Ты же его толкнул в эту яму...

– Ах ты гад!!! Я же тебя спасал, слышишь, – тебя!..

Он схватил Рыжова за грудки и так сильно потрянул, что тот моментально обмяк, подавленный той неимоверной яростью, что была в глазах парня. Мощный кузнецовский нрав, дремавший в нём все эти годы и, казалось, навсегда

задавленный годами лишений в нарымской ссылке, неожиданно выплеснулся наружу, изрядно удивив и напугав их обоих.

– Да ты что, Егор, ты что... – забормотал Юрка, тщетно пытаясь освободиться от цепкой хватки. Только сейчас он понял, что его младший дружок, над которым он всегда подтрунивал и смеялся, на деле сильнее его. – Я же пошутил... отпусти...

– ...И забудь про Максима! Не вздумай скандалить «дяде», иначе ты мне не друг!

– Да ладно... – спешно поправляя одежду, оправдывался Рыжов. – Я пошутил, а ты... Ну ты и псих, однако!

– Ещё раз так пошутишь... – с нескрываемой угрозой зашептал Егор, но в это время дверь открылась, и вышла техничка с помойным ведром.

Выплеснув воду, она проворчала недовольно:

– Чё торчите-то тут, когда рабочий день уже закончился? Шли бы домой...

– А нам бы к Иван Петровичу, тётъ Варя, – заискивающе проговорил Юрка. – Мы на минутку...

– Так ушёл уже комендант-то... Сидит там какой-то мужик, должно быть, дружок евоный...

– Ну тогда мы заглянем к нему, тётъ Варя...

– Да идите, только ноги вытирайте у порога и не курите.

– Ну я пошёл, Гоша, а потом ты. Я тебя потом подожду вон на той скамейке...

Минут через двадцать Рыжов молча проскочил мимо Егора и уселся на условленную лавочку рядом с Егором.

– Ту фигню, что ты там написал о своей работе, выкини! Он тебе сам всё продиктует, тем более ты там о себе ничего не написал...

Егор развернул сильно помятый и отмеченный большой чернильной кляксой листок, затем надорвал его, смял и выбросил под скамейку.

– Я ведь тебя хотел спросить, потому и недописал, – словно оправдывался он перед другом.

– Ну, вот там и допишешь, ступай, он ждёт.

Егор вошёл в кабинет к «дяде», а Рыжов, зыркнув по сторонам, подхватил с земли смятый бумажный шарик и сунул себе в карман.

– Ну-с, Кузнецов, докладывай!

– А я не принёс, я не знал, как писать... – Егор потупил глаза, ожидая ругани, но «дядя» на удивление ответил спокойно:

– Бери ручку, листок и пиши, что я буду говорить, а уж о своих подвигах ты сам напишешь. И учти, это очень важный документ, а не какая-то

шпаргалка. Мы с тобой на фронте, мы боремся с врагами Родины, с разным отребьем! Неужели ты до сих пор ничего не понял?

– А почему только мы боремся, а остальные не хотят бороться?

– Да на каждому можно доверить это серьёзное дело, пойми!

– Вон начальник участка у нас – хороший мужик, директор шахты, парторг... Они что, плохие? Вы им не доверяете, да?

– Ты что это разговорился, Кузнецов? – Голос «дяди» посуровел, улыбка исчезла с его лица. – Ты каких книжек читался? Ты что задумал, стервец? Учти, мы тебя на том свете найдём и примерно накажем! Бери пример с дружка своего: он языком не болтает, дело знает, уже дом нашёл в Черте, а ты? Учти, с первого ноября ты работаешь на строительстве шахты «Чертинская 2/3». Попробуй не выйди на работу – как трудовой дезертир пойдёшь в лагерь, а то ещё хуже будет...

Та вспышка гнева и возмущения, что испытал Егор в разговоре с Рыжовым, как-то незаметно сошла на нет, энергия и воля его ослабли, а силы словно оставили. Теперь с «дядей» снова разговаривал прежний Гоша, тихий, мягкий, податливый. Это, похоже, заметил и Пётр Петрович. Он уже мягче заговорил с ним, приобнял даже:

– Не кипятись, а подумай, о себе, о своей семье, о бабушке... Вон Рыжов тебе уже домик присмотрел около новой шахты. Перевози семью, Юрка тебе поможет, а все эти вредительские разговоры забудь!.. Ступай!

Через две недели Кузнецовы оставили свой уютный домик в посёлке шахты «Пионерка» и со всем скарбом переехали в посёлок, раскинувшийся в низинке, неподалёку от будущей шахты «Чертинская 2/3». Начинался новый этап их жизни...

* * *

Поле будущей шахты, которую шахтостроители позднее назовут «Чертинская 2/3», пересекала грунтовая дорога, соединявшая центр города Белово и посёлок Чертинский. Змейкой вилась она между природных оврагов, холмов и колковых островков березняка, удлиняя путь конному и пешему, и словно предупреждала будущих угледобытчиков, как непросто им будет подобраться здесь к богатым угольным пластам, что таило в себе это поле. Впрочем, площадка, где были за-

ложены первые штольни для разработки угольных пластов артели имени 1 Мая, была ровная, открытая и свободная от лесопосадок, но уже рядом, в полукилометре, она ныряла вниз и тянулась под уклон до самой речки Бачат. Именно здесь, рядом с склонами и шурфами, артельщики строили первые засыпные избушки-временки, низкие, кособокие, предназначенные для проживания первых углекопов и членов их семей. Уже потом, когда за дело взялись серьёзные угледобытчики, имевшие своей целью построить большую государственную шахту, и дома стали менять свой облик – теперь они были выше, крепче и надёжнее. Сразу видно, что эти люди строили для себя и что пришли они сюда надолго. А та самая дорога-змейка словно прилепилась к шахтовым постройкам, оставляя справа от себя интенсивно растущий посёлок. Ещё и шахта только в зародыше была, ещё лишь в нулевом цикле было здание будущего комбината, а посёлок уже получил своё имя – Посёлок 2/3.

...Себе-то пронырливый Рыжов нашёл в районе Чертинского базара небольшой, но тёплый бревенчатый домик в одну комнату-кухню, а много ли холостяку надо? Зато дружку своему Егору и его семье он присмотрел в Посёлке 2/3 засыпной домик. Прознал Рыжий, что одинокий старик, бывший углекоп из артели, живший в домике, давно хотел перебраться поближе к сыну в Бабанакново, и подъехал с предложением об обмене, а потом и Егора привёл к нему. Так и провели натуральный обмен домами. Кто выиграл от него, кто проиграл, Юрку не трогал этот вопрос. Не случись этого, ещё неизвестно, что удумал бы их «дядя» за послушание. Низковат был домик, и Юрка, и Егор легко доставали рукой матицу, но всё же две комнаты было в нём, разделённых печкой да деревянной перегородкой, огородик небольшой, соток на пять, уходящий своей оконечностью в глубокий овраг, который отделял их дом от соседей, да ещё небольшая деревянная пристройка, приспособленная под баню. Зимой в ней не помыться – маломощная буржуйка не давала много тепла, зато весной, летом и осенью здесь можно было нормально смыть с себя угольную пыль и грязь. Хорошо, что до работы Егору всего-то нужно было идти метров триста: поднялся на взгорok по дороге – и можешь работать, потому как там уже находилась стройплощадка будущей шахты. Юрке же от базара километра полтора приходилось одо- левать каждое утро.

25

Тяжело дался Алёне Ивановне этот переезд. Всяк человек привыкает к своему гнезду, каждая вещь человека держит в памяти какие-то приятные мгновения из прошлой жизни, и хоть немного их было там, а всё же... Могилка родной сестры Веры осталась, огород обихожённый, бригадники Никиты, всегда готовые помочь, были рядом, а Кузнецовы так спешили с переездом, что даже не успели попрощаться с ними. А Никита?! Вернётся Никита домой, а там?.. Кто его встретит и как он найдёт их в том людском муравейнике, во что превращался Посёлок 2/3?

На строительстве шахты, кроме завербованных, уже работало около ста венгерских военнопленных. Кого-то в единственном бараке поселили, кого-то подсадили к местным жителям, а всё не хватало рабочих рук. Вот и с Егором новый начальник, Потапов Михаил Иванович, пожилой чуваш с маленьким приплюснутым носом, густо усеянным веснушками, говорил сурово при первой встрече:

– Знаю, что ты слесарь, да только пока твои ключи не нужны здесь, будешь строить вместе с военнопленными жилые бараки, потому как ждём вскорости пленных немцев и прочую разную пленную сволоту. Парень ты молодой, должен работать по-стахановски да ушами не хлопать, потому как рядом с тобой будут всякие бандюганы. Чуть что – немедленно доложить мне!

Егор молча выслушал его наставления, а про себя подумал с горечью: «Ещё один «дядя» будет ждать моих докладов. Как всё это опостылело!» Но как быть в данной ситуации, как избавиться от этого гадкого занятия, он не знал и потому молча отправился получать рабочие рукавицы и задание на смену – трудовая вахта уже началась...

Не лучше было настроение и у Фаины. Она привыкла работать в чистом и тёплом кабинете с бумагами и карандашами, а на новом месте ей предложили работу штукатура-маляра. Стены здания будущего комбината уже поднялись до второго этажа, и потому все женщины были брошены на отделку помещения внутри, а столяры и плотники, несмотря на холода, в спешном порядке стелили полы, навешивали двери, стеклили окна.

Алёна Ивановна видела, как трудно приходилось молодым на новом месте, но помочь им ничем не могла. Не раз и не два она слышала, как по ночам Фаина плакала и жаловалась мужу, что у неё руки загубели от штукатурки и потреска-

лись на морозе, что она смертельно устаёт, что «давно чувствует себя не женщиной, а ломовой лошады...».

У старой женщины возникало желание несмотря на глубокую ночь подняться с кровати, прижать к себе заплаканную невестку, успокоить и пожалеть, но она понимала, что завтра всё это повторится, и оттого горе станет ещё горше, и уже никакие другие слова не принесут ей даже минутного облегчения.

Егор как мог пытался успокоить зарёванную жену:

– Потерпи, Фаюнька, зима скоро кончится, комбинат уже под крышу подвели, в тепле поработаешь, а там, глядишь, и твой отдел появится, и будешь ты опять свои бумажки листать...

В конце марта было закончено строительство барачных, а ещё через пару недель прибыли и новые работнички. Было тепло, большая грязь подсохла, потому всё население посёлка и строители, что работали на поверхности, сбежались на площадку перед зданием комбината и с интересом разглядывали тех, кого им бог послал в подмогу. Место выгрузки было оцеплено охранниками с карабинами, они-то и потеснили наиболее любопытных подальше от машин. Немецких военнопленных было легко отличить от остальных арестантов: сухопарые, белёдые, все с короткой стрижкой и неизменной военной кепкой на голове, они были облачены в изрядно поношенные куртки немецкого военного образца, сапоги. При выгрузке они вели себя сдержанно, несуетливо, бросая настороженные взгляды по сторонам.

В другой группе были власовцы, полицаи и бандеровцы. Их одеяние уступало немецкому, а во взгляде каждого наряду с испугом легко угадывалась плохо скрытая ненависть. Бросая взгляды исподлобья на стоявших поодаль зевак, они о чём-то негромко переговаривались меж собой.

Особняком держались уголовники. Покинув крытую брезентом машину, многие из них демонстративно принялись пружинисто разминаться, показывая, что за долгую дорогу они изрядно подустали. Толстые щёки многих из них лоснились, а с лица не сходили дерзкие улыбки.

Один из них, видимо, старший, бросив презрительный взгляд в сторону власовцев, крикнул с вызовом:

– Смотрите, господа предатели и дезертиры, работать будете по-стахановски, а не то мы вам – у-у!

И он сделал резкий жест правой рукой вверх, перехватив её в локтевом суставе левой. Остальные уголовники громко засмеялись, а те, к кому он обращался, невольно попятнулись от него. В адрес же немцев никаких угроз не последовало.

– Эй, Кабан, прижми хвост и не выступай, а то я тебе яйца вырву! – с угрозой в голосе проговорил старший караула и отправился к начальнику стройки, что стоял около одной из машин и ждал доклада о прибытии в его распоряжение группы бывших военнопленных. Здесь и сейчас начинался новый этап в их жизни.

В толпе строителей шахты и жителей посёлка, плотной стеной обступившей арестантов, были Егор и Юрка Рыжов. Они внимательно всматривались в лица приезжих, словно заранее выбирая тех, за кем им придётся следить и пресекать их злобные поползновения на советскую власть.

ГЛАВА 2

Сибирское лето 1948-го одинаково щедро согревало своим теплом всех, кто не покладая рук трудился на строительстве новой шахты: и добровольцев, прибывших по оргнабору, и спецпоселенцев, как теперь называли бывших военнопленных, и их строгих охранников, в обязанности которых входило осуществлять контроль и надзор за беспокойной публикой, доставленной на строительство предприятия. Правда, теперь их стало значительно меньше и вооружены они были не карабинами, а револьверами. Здание комбината шахты, уже отстроенное и очищенное от строительного мусора, требовало завершения внутриотделочных работ, куда были брошены все женщины. Штукатурка стен, покраска, побелка – всё это лежало на их плечах, мужчины же из числа добровольцев из оргнабора ставили рамы и стеклили окна, навешивали двери в кабинетах, которые должен будет принять к концу года руководящий технический персонал шахты. Для сотрудников охраны тоже были выделены несколько кабинетов: начальство нужно было охранять от всевозможных эксцессов со стороны спецконтингента. Теперь арестанты (именно так называли в обиходе местные жители тех, кого доставили сюда под конвоем) на строительстве, как на поверхности, так и под землёй, работали без конвоя, когда же им предстояло вести работу в жилом секторе или в местах скопления гражданского населения, то каждую такую группу сопровождал вооружённый охранник. Впро-

чем, и эта мера предосторожности вскоре была отменена, а спецпоселенцы теперь должны были только один раз в неделю отмечаться в спецкомендатуре, созданной неподалёку от строящейся шахты и тех барачков, что приютили подневольных строителей.

В один из июльских дней Алёна Ивановна работала в огороде. Усадив трёхлетнего Витюшку в тень под раскидистым тополем и вручив ему единственную имевшуюся игрушку, резинового зайца с надорванным ухом, она занялась прополкой грядок.

– Эй, хозяйка, открывай ворота – гости приехали! – раздался чей-то весёлый голос из-за дома.

Алёна Ивановна выпрямилась, поправила на голове платок, посмотрела на Витюшку. Тот удивлённо хлопал глазками: услышал чей-то голос, а кто говорит – не видно. Тем не менее он поднялся с травы и, указывая на дом, за которым находилась калитка и откуда раздавался незнакомый голос, сказал:

– Баба, там дядя...

– Дядя? Витюша, пойдём-ка посмотрим на него!..

Пока они обходили угол дома, нетерпеливый мужчина снова окликнул хозяйку, но теперь уже назвав её по имени:

– Алёна Ивановна, что же не пуцаешь на порог дорогих гостей? – при этом он своеобразно хохотнул, и женщина сразу узнала его.

– Ну, Митрофаныч, никак ты? – откликнулась она. – И здесь от тебя покоя нет! Чего дома-то не сидится?

– А ты выдь сюда поближе, может, спрашивать не будешь?..

Обогнув угол дома, женщина, прикрыв глаза рукой от солнца, подслеповато щурилась, пытаясь разглядеть гостей.

– Вот бродяга, сам в гости ходишь нежданно-негаданно да ещё дружков с собой водишь! – продолжая ворчать, она подошла к самой калитке, взглянула на гостей в упор и, схватившись за сердце, медленно стала оседать на землю:

– Никитушка?!

– Мама! Мамочка! – Мужчина, стоявший за спиной у Митрофаныча, метнулся к женщине и подхватил её у самой земли. – Мамочка, я вернулся! Я живой!..

Осторожно поддерживая, он подвёл её к столу, что был вкопан в оградке под развесистым

клёном, усадил на лавочку и, уткнувшись лицом в её колени, бесконечно повторял одно и то же:

– Мама! Мамочка!..

– Сыночек!.. – со стоном проговорила Алёна Ивановна. Одной рукой она прижимала к себе сильно поседевшую голову сына, а другой осеняла себя крестом. – Я знала, что ты вернёшься, я верила...

Двое других свидетелей этой пронзительной сцены какое-то время молча наблюдали за всем происходящим, наконец, самый маленький не выдержал и громко расплакался.

– Ну что ж ты, Витюшка, к тебе дед приехал, а ты плакаешь?! – Митрофаныч подхватил ребёнка на руки, пытаясь успокоить, а у самого глаза набухли от слёз...

Из окна дома напротив наблюдали две пары любопытных глаз, но во дворе Кузнецовых никому до этого не было дела: сын с войны вернулся!

Здесь же, во дворике, и накрыли столик, причём Алёна Ивановна только давала команды, сидя рядом с Никитой и крепко держа его за руку, а Митрофаныч то и дело нырял в дом и выкладывал скромное хозяйкино угощение: ржаной хлеб, шматок сала, свежие огурцы, редиску...

– Митрофаныч, ты же главное забыл! Там, в тумбочке, под образами... Да стаканчики не забудь...

– Ну теперь всё в порядке, а, Витюшка? – шутливо обратился к мальчику Митрофаныч, разливая по стаканам чуть мутноватую самогонку. – Ну как, хлопчик, выпьем за Победу?

– За Победу! – звонко повторил мальчик.

Он уже давно успокоился и радостно улыбался, глядя на счастливую бабушку, а перед ним лежал кулёк с леденцами, которыми его угостил этот незнакомый дядя с красной отметиной через всё лицо.

– За Победу! – повторила Алёна Ивановна. – За нашего победителя, за нашего Никитушку!..

Заметив, что сын едва пригубил содержимое стакана и тут же поставил его на стол, Алёна Ивановна встревожилась:

– Что это, сынок? Из-за этого?.. – она робко показала пальцем на розовый шрам, что пересекал слева его висок и лоб.

– Да, мама, из-за этого. Я потом всё расскажу, но главное – я живой, я вернулся!

– Да-да, конечно! Как я молилась за тебя, Никитушка, и Егорка тоже...

– Егор? – со смехом спросил Никита. – Он же комсомолец поди?

– Да, в комсомолах ходит, но за отца родного всегда молился вместе со мной, даже молитву одну выучил...

– Ну, Алёна Ивановна, тебя бы в армию коммиссаром, – рассмеялся Митрофаныч, – всю роту, наверное, научила бы молиться!

– Смейся-смейся, кум, а главное, что сына я отмолила!..

– Да, Алёнушка, услышал бог твою молитву и вернул сына... Давай ещё по маленькой, да я в дорогу собираться буду... Мне ведь больше часу пути, а вы уж тут дожидаетесь Егора с Фаей...

Уже позвонев стаканами, Алёна Ивановна, прежде чем выпить, сказала проникновенным голосом:

– Хороший ты человек, Митрофаныч, лёгкий сердцем! Из ссылки нас привёз на шахту... Из роддома привёз нашего Витюшку, а теперь ещё и сына мне вернул... Дай-ка я тебя расцелую, чертяку! – Она встала с лавки и крепко поцеловала опешившего мужика прямо в губы, а затем решительно, по-мужски, опустошила свой стакан.

Какое-то время Митрофаныч сидел затаив дыхание, а потом громко выдохнул:

– Ох и сладкая ты, Алёна Ивановна! Ни одна девка меня так не цоловала!.. Эх, если б не бабка, что дома ждёт меня, – жонился бы на тебе, как пить дать!..

Весело и легко они проводили Митрофаныча, потом, уложив внука на кровать, ещё долго сидели в тени старого и мудрого клёна, который своим шелестом навевал им светлую грусть. А Никита, стараясь щадить свою старую мать, рассказал, как он воевал, как попал в плен, как сам пришёл в расположение советских войск с важными сведениями о фашистах, как ему поверили и он снова вернулся в логово врага. Не хотел рассказывать о том, как получил своё ранение, но Алёна Ивановна сама спросила об этом и горько плакала, слушая продолжение рассказа.

– А потом, мама, было всё: и госпиталя, и операции, а когда подлечили – отправили в лагерь. Рана воспалилась – снова в госпиталь... У меня же, мама, вот тут не кость. – Он показал на левую часть своей головы. – Пластину железную мне тут поставили, потому и пить совсем нельзя, и тяжести поднимать нельзя... Да ещё много, что нельзя, но жить, мама, надо, и мы будем жить! – Он увидел, что глаза матери снова наполнились слезами, и поспешил закончить свою грустную историю. – Я потому это тебе всё рассказал, что больше никому об этом не скажу! Мне запретили

работники НКВД, я дал подписку... Так и сказал офицер: «Живи, Кузнецов, но не говори, что был в плену у немцев. Воевал в разведке, получил ранение, потерял память – и никаких откровений!» Поняла ли ты меня, мама?

– Конечно, Никитушка! Неужто мать твоя дурочка совсем?!

– Ну что ты, мама! – Он обнял её, потёрся лицом о её мягкие седые волосы.

– Мы ещё поживём, сынок! А сейчас я затоплю баньку, ты помоешься, а там и Егорка с Фаяй придут – им тоже помываться надо. Фая ещё штукатуром работает, а Егорка уже под землёй, с пленными фрицами рельсы таскают по шахте... Говорит, железную дорогу какую-то там делают, под землёй-от... Как же они паровоз туда спускать будут, он же большой, а, Никит?

Сын нежно погладил мать по голове и пояснил:

– Мам, туда маленькие электровозы спустят, они-то и будут уголь возить в вагонетках. Раньше люди да лошади возили, а теперь – техника... Эх, если бы не ранение, пошёл бы я в шахту... Но врачи сказали, что не пустят!

– И не надо, сынок! Ты отработал своё, на войне здоровье положил, теперь отдыхай, лечись...

– Ну, мам, мне же чуть больше сорока, как же я буду на печке сидеть? Найду подходящую работу. А пока я воды в баньку принесу, покажи, где ведро, колодец...

– Что ты, сынок, я сама... – Алёна Ивановна вскочила с лавки, готовая бежать к колодцу, но Никита остановил её:

– Мамочка, дай мне ведро, покажи, где колодец. У тебя Витюшка спит, в баньке тоже надо порядок навести... Видишь, и тебе работа найдётся...

Уже после бани, распаренный и разомлевший, он пил душистый чай со смородиновым листом, что заварила мать, и вновь вспоминал свои злоключения. Вдруг он оборвал себя на полуслове, поставил кружку на стол, подсел к матери и обнял её.

– Что, сынок, ты что?..

Она почувствовала, как изменилось его настроение, и не на шутку встревожилась.

– Мама, ты только не волнуйся, всё хорошо... Не волнуйся... Я ведь нашего Федьку видел...

Женщина вздрогнула всем телом, закрыла глаза, а из груди её вырвался сдавленный стон.

Никита ещё крепче прижал её к себе и продолжал шептать:

– Всё хорошо, мама, успокойся...

– Никитушка, ты ничего не напутал? Где? Когда?..

Неторопливо, осторожно он рассказывал матери о своей встрече с братом в лагере, о разговорах с ним, о том, как они уговорились встретиться в Белове.

– ...Здоров он, мама, здоровее меня... Возмужал сильно, на отца похож очень, не то что я – не понять в кого...

– Ну-ну, не гневи Бога, сынок! Ты сам на себя похож, на деда Михаила похож, такой же рыжий...

– Ага, такой же рыжий, как дядя Федя... Кстати, ты не знаешь, где он сейчас, живой ли?

– Что ты, сынок, видишь, что творится?! Где уж тут уследить, где он и как... Тебя вот дождалась, и слава Богу! Про Федю услышала добрую весть – и рада до конца дней...

– Ничего, мама, самое страшное уже позади, война кончилась, мы победили! Я никогда не оставлю тебя, а Федя? Найдёт он нас, он очень хотел нас увидеть, но потом, наверное, уедет в Германию, если отпустят, конечно: там у него жена и сын...

29

Мать слушала сына, а слёзы текли и текли по её всё ещё красивому лицу, помеченному многочисленными морщинками. Вернувшиеся с работы Егор и Фая застали Алёну Ивановну и Никиту за воспоминаниями. Егор бросился в объятия отца и застыл надолго. Алёна Ивановна снова громко всхлипнула, вслед за нею в голос заплакали Фаина и Егор.

Никита долго крепился, но когда донёсся истошный крик проснувшегося Витюшки, он тоже прослезился и сказал:

– Ну-ка, господа хорошие, хватит слёзы лить, а то соседи уже устали в окна выглядывать: того и гляди милицию вызовут! Пойдёмте-ка в дом...

Среди ночи Алёна Ивановна проснулась от странных звуков из кухоньки, где на большом сундуке постелили Никите. Включив свет, она бросилась к сыну:

– Никитушка, что с тобой!?

Бледный, с прокушенной губой, из которой сочилась кровь, он лежал на спине, сдерживая стон, но, увидев мать, разжал зубы. Громкий, рвущийся, казалось, из глубины души стон разбудил всех. Заревел ребёнок, его родители в мгновение ока вскочили...

– Простите меня, разбудил я вас... Не расчитал свои силы.... Успокойте малыша и ложитесь спать, а я пойду на улицу, покурю...

Накинув поверх ночной рубашки шаль, Алёна Ивановна щёлкнула выключателем и вышла вслед за сыном. Они сидели у столика под клёном. Никита нервно курил, а мать гладила его руку, успокаивая, как когда-то в детстве.

– Я не сказал вам, что иногда голова моя раскалывается от боли и я кричу по ночам... Не всегда, но бывает... Видно, эта железка не даёт покоя моей голове. День сегодня непростой: дорога дальняя, устал, разговоры душевные... В общем, не выдержала моя голова садовая, вот я и раскричался!

– А чё ж врачи-то ничего тебе не присоветовали?

– Много что советовали, да разве всё упомянешь. В госпитале ставили на ночь морфий, но один доктор-старичок предупредил, что к морфию нельзя привыкать – это смерть! Таблетки почти не помогают. Мне же два раза уже голову вскрывали!

Услышав такое, Алёна Ивановна прижала руки к губам, словно сдерживая невольный крик ужаса.

– Да, мама! А как иначе туда железяку зашьёшь? Давно бы меня с таким ранением выгнали из госпиталя помирать на воле, да какое-то письмо важного генерала было в моих документах, вот и возились они со мной. Это мне тот самый доктор-старичок в Томске сказал, когда оформлял выписку. Всё возмущался, что меня отправляют не домой, а в фильтрационный лагерь. Потом сделал приписку в документах: «Если больному Кузнецову станет хуже – немедленно направить его в Томск, по месту проведения операции». Мне ведь вторую операцию там делали, а первую – ещё во фронтовом госпитале... Так вот и помогли мне эти два человека – генерал тот, жаль, фамилию его забыл, и доктор-старичок... Старенькая санитарка была в госпитале, так перед самым отъездом из Томска она мне сказала про какие-то травы, что успокаивают нервы и боль снимают, да забыл я их название... У меня же тогда молотки в голове стучали... Ничего, мамочка, я потерплю, а лежанку себе изготовлю в баньке, лавку пошире сделаю. До зимы там посплю, а потом, глядишь, и вовсе выздоровлю... – Он приобнял мать одной рукой. – Завтра скажу Егору, чтобы с работы принёс кусок конвейерной ленты...

– А на что она тебе, эта лента, как ею лечиться будешь?

– Лечиться не буду, мама... Когда боль прихватит, я зубами скриплю... Крошатся они. А лента из резины... Всё зубы целее будут...

– О Господи! Да неужто така боль?! – испуганно проговорила женщина. – Я поищу, Никитушка, те травы, что тебе тётка в Томске насоветовала, трава ещё зелёная стоит, у баб спрашиваю... Я тебя вылечу, сынок!

Теперь каждый день Алёна Ивановна вместе с Витюшкой искали в огороде, на лужайке и в близлежащей рощице лечебные травы. Узнав об их беде, и соседки понесли свои травяные запасы. И до первых морозов состояние Никиты заметно улучшилось, боли ушли. А врач, к которому по настоянию матери обратился Никита, посоветовал ему не пить алкоголь и избегать всяческих волнений...

В 1949 году шахта «Чертинская 2/3» вступила в строй действующих с производственной мощностью триста тысяч тонн в год. В спешном порядке шла доукомплектация участков, бригад и других производственных звеньев, но первые тонны угля уже выдавались на-гора. Если проходчики и очистники каждый день спускались в недра, где их ждало чёрное золото, то итээровцы продолжали обживать новое здание комбината. В числе первых появились производственный отдел, отделы главного механика и энергетика, маркбюро, техотдел, бухгалтерия. «Не главные, но нужные на шахте работники» – так в шутку они называли себя, энергично заполняя отведённые им кабинеты столами, стульями и прочей мебелью. Затронули эти события и Фаю Кузнецову, но вместо маркшейдерского бюро её определили в проектную группу, поручив разбирать и систематизировать многочисленные документы, поступавшие в их отдел. Быстро усвоив для себя, что здесь ей придётся гораздо реже спускаться в шахту, чего она так боялась и не любила, Фая с интересом стала постигать свою новую работу. Но главное, что теперь она весь день была в чистой одежде, а её руки перестали быть грубыми и шершавыми.

Егор был оформлен электрослесарем участка внутришахтного транспорта, а ему в помощники определили сорокалетнего венгра Ласло Шимана. Малоразговорчивый, скорее даже угрюмый, он больше молчал, односложно отвечая

30

на вопросы. «Оно и понятно, – решил для себя Егор, – по-русски говорит плохо, а тут ещё страх, наверное, одолевает за то, что во время войны в немецких холуях ходил». Впрочем, когда Шиман оказывался среди своих земляков-мадьяр, его рокошущий голосок перебивал многих, и Егор не переставал удивляться тому, как менялся его подопечный. Случайно оказавшись неподалёку от разговорившихся венгров, он заметил, как Ласло похвально перед земляками большим складным ножом, точно так, как это делал он сам в компании мальчишек в далёкой нарымской ссылке. Но там было мальчишеское озорство, а что здесь, у взрослых мужчин, прошедших войну?..

Об этом думал Егор, пробираясь по подсохшим от весенней распутицы улочкам и проулкам разросшегося в последнее время жилого массива, раскинувшегося от шахты «Чертинская 2/3» до самого базара. Больше двух месяцев он уже не видел своего «дядю», приходил в торговые ряды базара, спрашивал в мясной лавке Петра Петровича, но татарин, когда-то обиженный его женой, только равнодушно пожимал плечами: «А я откуда знаю?». Поначалу у него был какой-то интерес к этому молодому человеку, и он в отсутствие Петра Петровича предлагал мясо: «Клянись Аллахом, дешевле отдам, чем твой Петро Петрович!» Но видя, что парень совсем не интересуется его товаром, Раис охладил к нему, мало того, в глубине души он уже давно с подозрением наблюдал за странными мясниками, будь то Борис Иванович или Пётр Петрович, за покупателями их мяса, среди которых был и Егор. Именно так и выплеснулись на улицу первые подозрения о том, что в мясной лавке торгуют совсем не тем товаром. Будь поопытнее да похитрей, Егор, дабы успокоить подозрения татарина, мог бы пару раз купить мясо и у него, тем более что Раис, решив, видимо, потеснить на рынке своего конкурента Петра Петровича, своей вере вопреки стал продавать даже свинину наряду с кониной и говядиной. Но не дошёл парень до этой мысли. Приученный получать мясо в качестве награды, он вообще приходил сюда без денег в кармане. Совсем не часто у Кузнецовых заводились лишние деньги, чтобы они могли побаловать себя мясными покупками.

Не было «дяди» в лавке и в этот раз.

– Дядя Раис, а когда же он будет? – растерянно спросил Егор.

– А-а, шайтан тебя побери! Нашёл себе дружка!..

– Да не дружок он мне, а... я мясо у него покупаю...

– А у меня мясо хуже, что ли? Это тёлка, это козёл, это свинина – тьфу-тьфу! Бери, дешевле отдам!..

– Ладно, дядя Раис, я потом у вас куплю... не сейчас...

Он уже был на пороге, когда вслед услышал слова татарина:

– Через час, сказал Петро, что будет... Погуляй пока по базару да не забудь, что обещал...

Странные чувства испытал Егор за те несколько минут пребывания в лавке. Шёл с неохотой сюда: каждая встреча с «дядей» была для него мукой. Кроме того, не застав «дядю» на месте, Егор забеспокоился: когда «дяди», будь то Борис Иванович или Пётр Петрович, надолго исчезали куда-то, после этого что-то сильно менялось в его жизни – даже переехать пришлось в эту землянку из уютного домика на «Пионерке». Что же сейчас будет? Услышав последние слова татарина, он снова напрягся: что-то этот круглолицый насмешливый «дядя» опять будет ему выговаривать?! Уже не раз ночью на ушко шептала ему Фая, что надо куда-то уехать, чтобы «дядя» чёртов их не нашёл! Один бы он так давно сделал, даже с Фаей, но у них был четырёхлетний Витюшка, а главное, бабушка, которой уже за семьдесят, а теперь ещё и большой отец, что кричит по ночам от боли. Где уж тут убежишь от ушлого «дяди»?

Он решил побродить по базару и заодно что-нибудь прикупить из продуктов – сегодня у него в кармане были небольшие деньги. Ходил он долго, неторопливо, у некоторых прилавков с товарами останавливался, щупал их, а потом также равнодушно отходил прочь, к явному неудовольствию продавцов. Лишь резкий запах колбы настоящему заинтересовал его. Он повертел в руках три-четыре пучка, потискал их пальцами, проверяя, не слишком ли они переросли. Память его прочно удерживала те голодные годы в Нарымском крае, когда они с ребятей, спасаясь от голода и цинги, убегали в весеннюю тайгу в поисках колбы, пучек, щавеля и прочих съедобных трав. Более десяти лет прошло, повзрослел, возмужал Егор, а устоять перед ошеломляющим ароматом колбы не смог. Порывшись в кармане, он нашёл мелочь, расплатился, завернул колбу рулончиком в старую газету и направился к воротам, но был остановлен радостным криком:

– Егор! Чёрт возьми, неужто это ты?

С испугом обернулся и увидел перед собой улыбающегося солдата. Этим солдатом был дружок детства из Урского Мишка Павлов. Обнялись, то и дело похлопывая друг друга по плечу, по спине.

– Вон ты какой красивый! – не без зависти сказал Егор. – Какие медали у тебя?..

– Заслужил на Дальнем Востоке, самураев бил, вот и наградили. Орден не заработал, медали все: «За победу над Японией», «За боевые заслуги», «За отвагу»... Я сейчас в краткосрочный отпуск прибыл, но через годик совсем вернусь...

– Ну, Мишка, все девки в Урском твои будут! – Егор в очередной раз хлопнул дружка по плечу.

– Ха, Гоша! В Урском осталось всего двадцать-тридцать дворов, да и то на Расейской стороне, а из наших, зауринских, почти никого нет... Кстати, милиционер сказал, что ваш дом съѐг Иван Кочергин, а потом с горя утопился! Хорошо хоть его жену и детей оставили в покое...

– Так они уже не жили вместе сколько лет!..

– Вот потому и не тронули их...

– А ты что тут присматриваешь? Небось, подарок для жены или для бабушки своей? Как ей можется? Ей, поди-ка, под восемьдесят уже?.. Она ведь старше моего бати была лет на пять...

– Да, кажись, так... – как-то рассеянно ответил Егор. – Ладно, пойду я... Мяса ещё нужно купить...

– Мяса?.. Хм, дай-то Бог, а вот моя мама сейчас не часто его видит на столе: всё больше картошка да козье молоко, а на праздник курочку варит – тем и счастлива... Всё в колхоз сдали, а он развалился!

– Да, его нет... Ну так я пошёл, Миш...

– Будь осторожнее там... Мне тут один знакомец подсказал, что в том углу, где мясная лавка, мужики часто видят мильтонов разных... Ты поостерегись там... Ну, Егорушка, до встречи! Через год увидимся!

Пётр Петрович уже был на месте и встретил его прохладно.

– Соскучился без меня?

– Да вроде нет, – уклончиво ответил Егор. – У вас, наверное, дела были?

– Наверное... – теперь уже «дядя» уклонился от ответа. – Докладай, что у тебя за это время интересного?

И трёх минут Егору хватило сообщить, что на шахте ничего особенного не произошло, никаких

врагов не выявлено. Однако рассказ о том, что у венгерского военнопленного Шимана есть большой нож, заинтересовал его.

– Если он его просто носит с собой – это пу-стяк, а вот если кто-то перережет шланг воздуховода, например, а нож найдут у этого самого Шимана, то это будет вредительство! Понял задачу?

– Какую? – Егор с недоумением смотрел на мужчину.

– Кузнецов, ты что, дурак?! Нам нужен не нож, а... диверсия, вредительство хотя бы, ну?

– Что «ну»?

У Егора по спине от страха побежали мурашки. Он уже понял, что ему предлагают перерезать шланг воздуховода, а потом... А вдруг его и посадят за это? Дыхание его стало прерывистым, на лбу выступила испарина.

– Что, зассал, пацан?! Слабак ты, однако! Тебе даже мясо сегодня я не дам, не за что! Не хочешь работать на нас!..

– Я... я... – язык в рту Егор еле ворочался, в горле пересохло.

– Пойми, дурак! Мне нужно выявить врага из числа этих фашистов, и ты мне должен в этом помочь. Только смотри, чтобы тебя с этим ножом никто не приметил!

«Дядя» видел, что его агент трусит, а если запугивать его дальше – вообще может сломаться, и тогда он заговорил о другом:

– Ты Рыжего давно видел?

– Давно... Домой заходил, а там никого...

– Всё правильно, потому что Рыжий умеет делать дела. Он получил комнату в Черте, на улице Клубной, в двухэтажном кирпичном доме...

– Как?! – вскрикнул Егор.

– А как ты думал? Он сопли не жуёт: присмотрел, как его горный мастер в сбойке кучу навалил и подтёрся, как положено... – Он замолчал и странно улыбался, глядя на парня.

– Ну?..

– Хрен загну – каралька будет! – хохотнул он. – А Рыжий не поленился, газеточку ту свернул и принёс мне со следами его какашек...

– Ну?

– Ещё раз загну! Посадили того мастера на пять лет, потому что на той газетке была фотография самого товарища... – И он многозначительно поднял указательный палец. – А ещё там был адресок указан, кто её выписывал, карандашиком почтальён пишет всегда... Вот так за свою неразумную ж..пу и сел этот мастер на пять лет, семью его выселили в барак, а Рыжему ордер

дали. Я похлопотал. И ты думай, ежели жить хочешь хорошо. И заруби на своём носу: первое – венгр с ножом, второе – какого-нибудь начальничка небольшого сдай, а как это сделать – у Юрки узнай. Учит он тебя, учит, а ты всё дурак дураком! А как бы ты жену свою сильно обрадовал новой-то квартирой!

– Я вас понял, Пётр Петрович... – подавленно отозвался Егор.

– Да, а почему ты не про всё мне говоришь? Утаиваешь важную информацию! Смотри, я тебя предупреждал, что посажу!

– Да вы что, Пётр Петрович! – взмолился парень.

– Что орёшь! Почему не доложил, что у тебя отец вернулся? По нём же тюрьма плачет!

– Какая тюрьма?! – Егор весь напрягся и так резко встал, что мужчина невольно отшатнулся. – Он же герой войны! У него несколько медалей! У него тяжёлое ранение!..

– Но-но, не духарись, пацан! Ишь, взбрыкнулся! – И уже более миролюбиво добавил: – Я просто так сказал, а ты уже на рожон лезешь! Ладно, я узнаю у начальства... трогать его мы не будем, но знать-то мне это надо было... Мне всё интересно, что люди вокруг говорят и делают.

Остыл и Егор. Не спрашивая разрешения, он вынул портсигар, закурил папироску и как бы между прочим брякнул, что на шахте слышал такие разговоры, будто в мясной лавке на базаре часто бывают мильтоны... Говорят, что там не всё чисто...

– Кто говорит? Кто видел, ну?... Чё-орт – явка провалена!

Глядя, как взвился «дядя», какой злобой и страхом налились его серые глаза, Егор смекнул, что назови он сейчас Мишку Павлова – не одобровать бы тому.

– Кто говорил?... Да так, недавно в мойке слышал. Мужиков тех я не знаю, да они все там чумазые и голые, как их запомнишь, а вот слова их запомнил...

Отвёл-таки беду от дружка детства Егор. Как ни силён был его страх перед своими хозяевами, а что-то глубинное, потаённое удержало его от нового предательства.

Какое-то время Пётр Петрович молча курил, а на прощанье объявил, что встречаться будут один раз в месяц пока здесь, а новое место он потом назовёт...

– А всё остальное не забудь! Теперь возьми это мясо и вали отсюда. О нашем разговоре Ры-

жаму не говори... – И уже, похоже для себя, добавил: – Сваливать отсюда надо, а то и татарин всё ходит да вынохивает... Посадить его, что ли?... Ладно, это не для тебя – свободен!

Нет, не чувствовал себя Егор свободным после такого разговора со своим страшным хозяином и потому с огромным облегчением покинул эту лавку.

Конец 1940-х – тяжёлое было время, война трудно отпускала людей в мирную жизнь. До сих пор ещё возвращались домой солдаты, прошедшие горнило войны, только-только отменили продовольственные карточки, законы военного времени нет-нет да и напоминали о себе строгими требованиями, а на площадях, в клубах и других публичных местах плакатная «Родина-мать» всё ещё продолжала призывать всех встать на защиту Отечества. И всё же мирная жизнь брала своё: людям хотелось покоя, домашнего уюта, и ради этого они готовы были трудиться не покладая рук.

ГЛАВА 3

Получив строгий нагоняй от «дяди», Егор, казалось, весь ушёл в себя и сам стал похож на своего напарника Ласло Шимана. Тот молчит всю смену, и Егор молчит. Если Егора терзала мысль, как бы аккуратнее «сдать» напарника «дяде», то мадьяр молчал оттого, что он ни слова не знал по-русски и, похоже, вовсе не собирался учить язык его порабитителей, хотя за четыре года плена он, наверное, мог бы постичь азы. Но упрямец Шиман при обращении к нему на русском только энергично мотал головой: моя твоя не понимай! И только в том случае, если говорящий сопровождал свои слова энергичными жестами, он как будто чуть-чуть начинал понимать его. Так же Шиман общался со своим молодым напарником. Егора такие отношения устраивали: не надо было отвлекаться на ненужные разговоры, а когда он всерьёз задумался над поручением «дяди», то молчаливость напарника была вдвойне выгодна: во-первых, никто не мешал обдумывать, как легче заманить в ловушку свою жертву, а во-вторых, ему было совсем не жалко молчаливого венгра, а знай Егор, что у Шимана дома есть жена, дети и старые родители, он, может быть, совсем по-другому отнёсся бы к поручению. Получалось так, что напарник для него словно и не был живым человеком, с чувствами, обидами и переживаниями, и это облегчало ему выполнять задуманное.

Тут и вспомнили они ненароком брошенные Рыжим слова, когда они расправились с Максимом: «Ты не размокай из-за каждого, кого надо прижучить. Держи в своей башке: если не ты его, то – он тебя». Попробовал Егор думать так, и понял, что в этом есть своя правда. Не сдай он тогда Диму на подхвате, глядишь, его бы и обвинили в краже керосина – ведь он же часто отсиживался за щитом в ожидании бабушки, когда в цехе никого не было... Не выдай того певца-блатыря из барака, глядишь, он бы кого-нибудь прирезал по темноте да по пьянке... И здесь: вдруг резанет мадьяр шланг незаметно, а потом могут обвинить в этом его, Егора... Нет, такой вариант его не устраивал, и он продолжал обдумывать, как аккуратно обезопасить себя от происков мадьяра-молчуна.

Впрочем, всё случилось почти само собой. Уже несколько дней Егор носил в шахту небольшой, но очень острый обломок литовки. Обернул его тряпкой и сунул в сапог. Возвращаясь с группой рабочих по вентиляционному штреку к коренному стволу, Егор чуть отстал, сделав вид, что хочет справить малую нужду, а когда шаги товарищей затихли, обломком косы стал резать резину воздушного шланга. С трудом, но она поддалась. Воздух с лёгким шипением вырвался из шланга, придавая той темноте, что царила в округ, какое-то тревожное состояние.

«До утра под напором воздушной струи дырка увеличится, и подача воздуха может вообще прекратиться», – размышлял Егор, бегом догнав товарищей и по пути выбросив своё орудие. «Здесь не найдут», – решил он.

Запыхавшись, догнал группу уже под стволом.

– Ты что так долго, Егор? Мы уже думали, что на вторую смену остался... – пошутил бригадир Иван Терешкин, пожилой человек с худыми и вечно жёлтыми от курения пальцами.

Ответом был дружный смех. Рабочий день заканчивался, а дальше, как всегда: подъём в клетки на поверхность, сдача в ламповой номерков и ламп с аккумуляторами, чуть тёплый душ и... После мойки у всех интересы были разные: кто-то спешил домой, чтобы плотно поесть и завалиться отдыхать. Другие торопились, чтобы успеть после работы купить пива, а то и водочки к нему прицепить и потом в весёлом и расслабленном состоянии заявиться домой. Третьи надеялись заскочить в единственный в посёлке продовольственный магазин. Спецпоселенцы же, в том числе и Ласло Шиман, чаще всего, за-

глянув в шахтовую столовую, обедали и ужинали в один присест, после чего отправлялись в свои бараки, где обессиленно падали на деревянные нары, едва накрытые ветхим тряпьем, и забывались некрепким, тревожным сном до нового рабочего утра.

Егору же теперь предстояло найти Петра Петровича и доложить о проделанной им работе. Увидев его в неурочное время, «дядя» всё понял и, прикуривая на ходу, вышел на улицу.

Уже там Егор шепнул ему:

– Шланг... Завтра утром...

Как и рассчитал Егор, ночью по венштреку никто не проходил и утечка воздуха вовремя замечена не была. К утру под сильным напором воздушной струи шланг окончательно лопнул, и подача воздуха в забой прекратилась. Сработавшая сигнализация позвала в шахту ремонтную бригаду. Работа первой смены очистной бригады была отложена на несколько часов, а на участке появились незнакомые мужчины с суровыми, неулыбчивыми лицами.

– Кто работал вчера в этом штреке? – спросил начальника участка один из них.

– Видите ли, работа в штреке не велась, но наши слесаря ходят там каждый день, – начальник, интеллигентный и нерешительный Виктор Иванович, всегда тушевался, когда ему приходилось разговаривать с сотрудниками милиции, а тем более – госбезопасности. – Но в течение рабочего дня там могли проходить десятки других работников, так что...

– Но ведь воздуховод был перерезан ножом! Это вредительство!

– А может быть, всё-таки...

– Нет, товарищ Киселёв, случайности здесь быть не может! Чья бригада была там вчера?

– Да, эти ребята...

– Понятно, что за ночь вредитель мог что-то предпринять, избавиться от улики, но, тем не менее, личный обыск мы проведём сейчас и немедленно. Прошу всех подходить к столу по очереди и выкладывать содержимое своих карманов. Кто откажется выполнить команду – обыщем насильно...

Егор заметил, как Шиман сильно побледнел, попятился к двери, но там его задержал другой сотрудник.

– А-а, ты хочешь первым показать свои карманы?

Он подвёл венгра к столу и принялся тщательно обыскивать.

37

На стол лег большой складной нож.

– Нет! Нет! – нервно кричал мадьяр. – Мой не резать... Я кушать сало режу... хлеб, хлеб! Меня убить будут, я боюсь!..

– Во даёт наш немтырь! – удивился Терешкин. – Он, оказывается, лучше нас говорит по-русски да ещё вооружённый до зубов ходит в шахту!..

Бригада молча встретила эти слова, а многие с сочувствием смотрели на венгра. Сотрудник, что его обыскивал, умело защёлкнул на его руках наручники, и обыск продолжился. Ни у кого не было с собой ничего подозрительного, и вскоре бригада отправилась в шахту, а Шимана увезли. Больше его на участке никто не видел...

А Егору в помощники дали немца Марка Ратке, который прибыл на шахту всего неделю назад в составе новой команды военнопленных. В отличие от венгра он почти без акцента говорил по-русски, но также был неразговорчив, как и венгр, что на первых порах раздражало Егора. Затем отношение изменилось, когда во время небольших перекуров они поговорили накоротке о делах житейских, а для себя Егор сделал неожиданное открытие: оказывается, глубоко под землёй, в темноте, сырости и на холодных сквозняках даже простое человеческое слово может согреть и поддержать. Импонировало Егору и то, что этот коренастый человек с колючими серыми глазами, по возрасту годившийся ему если не в отцы, так в старшие братья, без доли иронии обращался к нему на «вы». При всём при том Ратке не досаждал ему ненужными вопросами, а уловив у напарника хоть тень недовольства, тут же замолкал. Уже до конца первого месяца их совместной работы Егор знал, что отец Марка до революции жил в России, а потом эмигрировал в Германию с женой и сыном-подростком. Ещё он успел сообщить Егору, что на войне никого не убивал. Как так можно было воевать и никого не убивать, Егор не знал, но расспрашивать своего напарника не стал.

В ту смену они вместе с бригадой доставщиков-такелажников работали у резервного вертикального ствола. Выбирали из спущенного в шахту оборудования нужные металлоконструкции и детали для монтажа нового конвейерного штрека и волокли их к месту выработки. У ствола Егор предложил передохнуть.

– Все железяки нам не унести до конца смены, а силы надо сохранить... Садись вот тут. –

И он первым опустился на каменистый пол выработки.

Сняв каску и запрокинув голову, Егор высоко вверх увидел небольшой квадратный проём, в котором на голубом фоне неба скользили белёсые облака. Рядом опустился Ратке и, чуть успокоив дыхание, также стал рассматривать светлеющий сверху створ.

– Высоко?

– Да, метров сто будет...

– Вот если кто сорвётся в него, то, наверное, вдребезги расшибётся?..

– Как пить дать! – Язык Егора, похоже, онемел, а перед глазами мелькнула страшная картинка падающего в шахтовую бездну Максима Шомонина и его нечеловеческий крик. Уже через силу он добавил: – Тут иногда такое случается...

– И что? – Ратке в упор смотрел на парня, словно ожидая от него чуда: упал, мол, но жив остался.

Егор долго молчал и сказал резко:

– Вдрызг разбиваются... Даже глаза вылетают...

Увидев, как Марк зябко передёрнул плечами, он спросил с усмешкой:

– Страшно, Марк? А у вас что, в Германии шахт нет?

– Почему, есть... Рур весь на угле стоит, но я там не был и... у нас в шахту не падают...

– А у нас всяко бывает... – Егор поднялся, приглашая и собеседника. – Ладно, отдохнули, пойдём...

Нагруженные металлом, они тяжело шагнули в темень шахтового лабиринта, но Егор, словно прощаясь, бросил взгляд на светящийся сверху проём...

В день полочки настроение у всех было чуть приподнятое, потому как по заведённому правилу многие после работы вскладчину покупали водки, закуски и в кустах, что стеной тянулись вдоль проезжей дороги до самого Чертинского базара, отмечали это рядовое, но приятное событие. По традиции после мойки вся бригада хоть на минуту, но появлялась на участке, где начальник или его заместитель коротенько рассказывали обо всём, что случилось на шахте за смену, пока они были под землёй, а также давали какие-то наказы на следующий день. Радостное предвкушение скорой гулянки омрачил начальник участка Киселёв:

– Вот так, ребята, посадили нашего мадьяра Шимана на пять лет в лагерь! Плохо дело, поэто-

35

му рот не разевайте, а то, не дай бог, ещё такие неприятности будут. Пейте, но дело разумейте!

Каким бы ни было неприятным это известие, но гулянку решили не отменять. Если на «Пионерке» Егор не принимал участия в подобных мероприятиях по причине своего малолетства, то теперь он считал себя достаточно взрослым и был не прочь остаться в компании гуляк. Ещё и потому он оставался на такие гулянки, что Пётр Петрович советовал ему быть ближе к людям, недвусмысленно напоминая: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». А поскольку то место, где обычно выпивали после работы, находилось совсем рядом с его домом, то вопрос, быть Егору в компании или нет, был решён однозначно – быть! А если гулянка затягивалась, Фая сама приходила на заветную полянку и уводила мужа домой под весёлые шуточки товарищей.

Разговоры пьяненьких мужчин, как правило, касались новостей шахтовой жизни, анекдотов, как свежих, так и «с бородой», а также – «про баб». А сегодня речи раз за разом возвращались к аресту Шимана. Люди постарше помнили конец тридцатых, когда «брали» каждую ночь и ледяной страх сковывал всех поголовно. Но сейчас-то, недоумевали они, когда прошло столько лет и позади война?! Не было привычного смеха, в голосах слышалась тревога, а когда Егор собрался идти домой, за ним ни с того ни с сего увязался бригадир Терешкин. Он явно переусердствовал с выпивкой и потому городить чушь начал ещё в кустах.

Когда они отошли в сторонку от гуляк, он вдруг спросил Егора:

– Парень ты неглупый, Гоша, работаешь ладно, а вот скажи мне, Шиман – дурак? Он же твой напарник был?

– Да, был напарником... Он был не дурак, но хитрый...

– А почему он хитрый? – Иван стоял, покачиваясь, и крепко держал Егора за рукав, пытаясь заглянуть ему в глаза, но наступившие сумерки мешали дотошному бригадиру.

– А потому он хитрый, что притворялся, будто не понимает по-русски, а сам как болтал!

– Ага... Да, хитрож...й он оказался, но опять же, если он порезал шланг, то нож-то зачем снов принёс с собой? Идиот!

– Значит, идиот. Но я-то здесь при чём? – Егор тщетно пытался освободиться, но бригадир держал его крепко и продолжал гнуть своё.

– А при том, Гоша, что ты в тот день в конце смены отстал от нас, помнишь?

– Ну и что, пос...ть остановился... – Егор старался сказать это спокойным голосом, но в груди у него что-то ёкнуло от страха. Впервые его заподозрили в доносительстве, и он не знал, как возразить пьяному бригадиру. Скорее инстинктивно он отмахнулся от него и заявил деланно пьяно: – Дядя Вань, мы здорово наклюкались с тобой! Пойдём-ка по домам или пойдём ко мне...

– А у тебя есть что выпить?

– Нет...

– А чё тогда зовёшь? Ты тоже, как Шиман, дурачок! Ладно, иди, вон твоя жена уже бежит...

И действительно, через несколько минут Фая уже держала мужа под руку:

– Всё, дядя Ваня, всё, по домам...

Всю ночь Егор мучился без сна, а сна его лишил страх, за которым чудились страшные слова, услышанные однажды ещё на шахте «Пионерка» – «отправить в завал»!

На следующий день бригадир отозвал Егора в сторонку и, морщась от головной боли, спросил:

– Гоша, я тебя вчера не шибко доставал?

– Да нет, а что? – в голосе Егора слышалась тревога.

36

– А-а, ну тогда ладно. А то у меня жена заметила, что я, как хватану лишку, то шпионов начинаю ловить...

– Да нет, какие шпионы, – с некоторым облегчением проговорил парень. – Я и сам вчера был хорошенький, дядь Вань, так что мы оба с тобой ловили шпионов... – И натужно рассмеялся.

Гроза прошла мимо, но страх ещё долго терзал душу Егора...

* * *

А вот другая гроза, небесная, не обошла рабочий посёлок стороной. В один из первых дней сентября, к полудню, казалось, вся природа застыла в каком-то оцепенении: ни шума ветра, ни пения птиц. Первая смена горняков возвращалась домой, и люди постарше, поглядывая на хмурившееся небо, со знанием дела предрекали: «Однако быть грозе! Последняя, должно быть, в этом году, а потом польют затяжные дожди». Кто-то добавил из мужиков: «Как бы домишки наши вместе с шахтой не задуло». Посмеялись над таким страшным прогнозом да прибавили шагу, потому как на землю уже упали первые крупные капли небесной влаги.

– Бр-р! – зябко повёл плечами Егор, снимая с себя промокающую куртку. – Всё-таки намочил, проклятый!

– Пошто ругаешься? – хмурясь, спросила Алёна Ивановна.

Она сидела у окошка и с опаской поглядывала на почерневшее небо. Увидела, что в ограду въезжает хлебовозка Никиты и перекрестилась. Под дождём Никита распряг лошадь, поставил её под навес, задал сена, после чего забрал из повозки две причитающиеся ему булки хлеба и зашёл в избу.

– Что, сынок, сильно промочило? – вопросом встретила его Алёна Ивановна.

– Как в посёлок въехал – тут и началось!.. Нитки сухой не осталось, но сейчас, кажись, дождь затихает.

– Это ненадолго, а ночью страсть что будет! Задует нас совсем!

Не ошиблась с прогнозом старая женщина. Уже за полночь ветер достиг такой силы, что их засыпная избушка ходила ходуном, а целый пролёт ограды повалило наземь.

Как был в исподнем, Егор кинулся на улицу, крикнув домашним:

– Ставни закрою, а то все стёкла побьёт!

Когда он вернулся, доложил, что у соседей снесло крышу со стайки и скворечник.

– И у нас доски с крыши сорвало, а дождя всё нет.

– Будет дождь, – пророчески заявила Алёна Ивановна, – сейчас ветер покуражится, продует все силы свои, а потом и дожджичек пойдёт. Ой, Господи, спаси и сохрани нас бедных!..

В это время потух свет. Решив, что в темноте нечего куковать, Кузнецовы разошлись по кроватям, а вскоре полил дождь. Среди ночи всех разбудил истошный крик Витюшки. Алёна Ивановна кинулась включать свет, но его так и не было. Наощупь нашла спички и зажгла керосиновую лампу. Ребёнок уже был в объятиях матери, весь мокрый. На крик из банной пристройки прибежал Никита. Взяв лампу, он осмотрел потолок: угол горницы потемнел от влаги. Именно там стояла кроватка ребёнка, и потому больше всего от дождя пострадал он. Никита принёс из бани бачок и поставил под струи воды. Переодев ребёнка в сухое, Фаина взяла его в свою кровать, а Егор расположился в кухне, на сундуке.

– Надо, баб, завтра крышу починить, а то поплывём осенью.

– Уж надо вам с отцом посмотреть, что там. А гроза эта, видать, последняя летняя...

Утренняя смена Егора закончилась раньше, чем рабочий день Фаины, и потому он обычно не торопился, а дожидался жену, после чего они вместе возвращались домой, попутно заглядывая в магазинчик, что открылся неподалёку от шахты, на базарчик, приютившийся рядом с магазином. Иногда они что-то прикупали, но чаще все дело заканчивалось смотринами. Любила Фаина бывать в торговых точках. Сегодня же Егор не стал ждать жену, поспешил домой, помня наказ бабушки: надо чинить крышу.

Издавек он увидел, что бабушка с Витюшкой гуляет в ограде, но, оказавшись поближе, обратил внимание, что лицо сына было зарёванное, а Алёна Ивановна вела себя как-то беспокойно.

– Баба, что у вас тут случилось? Почему Витюшка в слезах?

Едва услышав голос отца, тот снова заплакал, а женщина, чуть успокоив ребёнка, пояснила:

– Да Никитка чуть было не убили! Сказывала я ему: «Подожди Егора», так нет – сам полез на крышу, ну и рухнул оттуда...

– Ёлки-палки! Как же так-то? – Егор не на шутку встревожился. – Где он? Надо в больницу его везти...

– Ничего не надо, упал-то он в картошку, а там, слава те Господи, ботва большая... Да домик-то наш не такой высокий, а всё же задницу да спину зашиб, вот сейчас лежит на грелке у себя в закуртке.

– А ведь я говорил Никите, что не надо лезть на крышу, потому как она ещё не просохла после грозы. Дня два-три дерево сохнуть будет, ежели нового дожджичка не принесёт, – вставил сосед Кондратий Пивоваров, чей дом находился через улицу, а два его огромных окна, как две амбразуры, всегда были нацелены на кузнецовскую избу.

– Так что ж ты, дядя Кондрат, взял бы да помог отцу вместо разговоров!

– Эвон как ты рассуждаешь, Егорий! А по мне, так умный совет завсегда полезнее бывает, чем простая подмога, да он и не позвал меня в помощники... И опять же, мне ведь от начала веку уже семьдесят лет, я ведь чуть только моложе твоей бабки, куды мне лезть на крышу?

– Ох, смотрите на него, молодого! Не мог Никиту остановить, так что сейчас-то припёрся? Хочешь, чтобы Егор с крыши упал?

– А ты не пуцай его, он и не упадёт, пусть просохнет крыша, а тогда уже и карабкаться туда можно. Но я тут вам не помощник! Я, конечно,

помолю тебя, Алёна Ивановна, но на крышу не полезу!

– Да кто тебя туда пустит, хрен ты моложавый! Подь-ка отсюда – без тебя тошно! – дав понять, что разговор с соседом окончен, она потянула за руку Егора. – Иди лучше к отцу.

– А что ко мне идти, если я сам могу прийти, – с этими словами к ним из дома вышел Никита.

– Никита Гордеич, слышал я, что тебя на грелку уложили со спиной, так зазря, лёд надо на большое место положить... У меня есть в погребу, я принесу, однако...

Попрепившись какое-то время с неугомонным соседом, Алёна Ивановна и все мужчины пошли в огород, чтобы осмотреть повреждённую крышу, но на лестницу хозяйка никого непустила: «Разобьёте все, к чомору!».

Ещё не закончили осмотр, как Никита сжал обеими руками голову:

– Голова зашумела, в висках ломит! Мне трудно смотреть снизу вверх.

– Всё, сынок, никакой тебе крыши! Искать будем работников, дрова у нас есть в сараюшке, от прежних хозяев остались...

– Дрова, Алёна Ивановна, хороши печку топить, а здесь тёс нужен, плахи, вот какие лежат на крыше, – это снова умные речи повёл сосед.

Он уже сбежал домой, принёс кусок льда, завёрнутый в холст, и теперь продолжал наставлять непутёвых соседей.

– Можно, конечно, на работу заманить пленных немцев. Да только из тех, что здесь ходят, всё больше копать огород могут да дрова рубить, нету среди них мастеровых. Я вон в прошлом году сарайку починить хотел и всё немцев высматривал – не нашёл! Пришлось из Беловой знакомого плотника приглашать, но уже за деньги.

– А ты, что же, хотел, за просто так чтобы они работали, чёрт старый?

– Ну не просто так, конечно, но немцы-то соглашаются за похлёбку и самогонку, всё дешёвое. Они ведь там в бараках недоедают...

– М-да, может, ты и прав, Кондратий Ефимыч, – неожиданно поддержал соседа Никита. – Пспрашай-ка, сынок, на шахте мужиков, наших и поселенцев, может, кто и возьмётся за харчи нам крышу изладить, да только не затягивай надолго, а то скоро дожди польют осенние...

На том и закончили этот совет.

На следующий день Егор опросил с десяток рабочих, но никто не поддался на уговор: у кого-

то сноровки не было в этом деле, у кого-то свой дом ждал такого же ремонта. Но вопрос решился неожиданно просто. Закончив смену, Егор с Марком Ратке собрались подниматься и на пути к коренному стволу присели на роздых в конвейерном штреке.

– Что-то ты беспокойный сегодня, Егор? Что-то случилось?

Коротко объяснив проблему, Егор неожиданно услышал в ответ:

– Я бы мог помочь в этом деле, Егор Никитович. У меня батя рукастый был, свой дом имел, всё что-то строил, колотил и меня приучил к ручодельству... Давай прямо сегодня заглянем к вам, посмотрим, что там за беда, а в ближайший выходной всё изладим.

Уже через неделю ремонт был закончен, а всю работу сделали Марк да Егор, пошедший ему в подручные. Богатый стол накрыла Алёна Ивановна (таким он показался Марку после казённой столовки). Даже стакан самогона он выпил с радостью. Раскраснелся от выпитого, расслабился. Обычно малоразговорчивый, после выпитого много говорил, шутил. И таким он простым и открытым показался Алёне Ивановне, что не утерпела она и принялась задавать вопросы один за другим.

– Извиняйте меня, Марк, но вы так хорошо говорите по-нашему, как будто в Расее жили?

– А я родился в России, Алёна Ивановна, мы жили под Питером... Под Ленинградом... А потом была революция, началась война, и меня ещё ребенком родители увезли в Германию. У нас дома и в Германии говорили по-русски... Мама-то у меня была русская...

– Ах ты господи! – женщина даже руками всплеснула. – А сейчас-то...

– Мама умерла, когда мне было тринадцать лет, через два года отца арестовали, а меня отдали в приют. Потом был гитлерюгенд...

– Это кто ж такие будут? – Алёна Ивановна с испугом смотрела на мужчину.

– Это... – он замешкался, подбирая точный ответ, – ...у вас пионеры, а в Германии был гитлерюгенд, а уже оттуда всех призывали в армию...

– К этому супостату Гитлеру?

Вопрос явно смутил гостя, но после некоторого молчания он добавил:

– Другой-то армии в Германии тогда уже не было... Шёл тридцать четвёртый год.

– Ты лет на десять меня младше будешь? – подал голос Никита. Он сидел за столом, угощал-

38

ся вместе со всеми, но обходя спиртное, и с тревогой поглядывал на разговорившуюся мать.

– Я с шестнадцатого года. Прово Россию-то я знаю только со слов родителей...

– А то, что помнишь их слова, то хорошо, – поспешила успокоить его женщина, – это уважение им, а также той стороне, где ты родился. А как же так случилось, что ты к этому злодею пошёл в услужение?

– Мама! – попытался остановить её Никита.

– А что «мама»? Уж и спросить нельзя! – Словно спохватившись, Алёна Ивановна вдруг резко изменила разговор: – Ну нельзя, так нельзя. Пригубила этого бесовского напитка и разговорила, старая... Уж не сердчай на меня, Марк.

Не менее был озадачен таким окончанием разговора и гость. Лицо его ещё оставалось розовым, но взгляд стал сумрачным, а с лица исчезла улыбка.

– Спасибо вам за угощение... Мне пора уходить...

– Да-да, а Егор вас проводит до самых барачков, а то ещё заблудитесь в наших переулках, – произнёс Никита.

– Благодарю, Никита Гордеевич, но я хорошо изучил этот посёлок, не заблужусь, – уже у порога Марк обернулся к Алёне Ивановне и сказал с лёгким вызовом в голосе: – Да, я служил у фюрера, но я не убивал людей. Я не убил ни одного человека!

С тем и вышел из избы. Какое-то время Кузнецовы растерянно молчали.

– Ну вот, обидели человека! – с лёгким укором проговорила Алёна Ивановна.

– Ну что ты, мам, так напала на него? Совсем незнакомый человек, немец...

– Да какой он немец, когда у него мать русская. И говорит он по-русски не хуже нас... Эх вы, мужики, у него же в глазах тоска зелёная. Видно, давно ни с кем не говорил по-человечески, а тут выпил чуток, и открылась душа.

– Это точно, баб, – вставил своё слово Егор. – Он вообще такой молчун, порой всю смею молчит, а тут смотри ты!

– Ну ладно, если обиделся – перетерпит, нам с ним детей не крестить, – подвёл итог Никита. – Давайте укладываться спать, а то Витюшка уже уснул там, в углу.

– Хотела я попросить его ещё, чтобы он помог крышу починить Любке Селезнёвой, – сказала Алёна Ивановна, – у неё тоже ветер бед творил. Она добрая баба, не раз помогала мне по хозяйству...

– Ну вот ещё! – недовольно проворчал Никита.

– Это которая? Что в конце улице живёт, с толстой косою ходит? – спросил Егор.

– Она самая. Вдовая она, ребёночек растёт. Он-то родился, когда Степана, мужа ея, уже взяли в армию, там он и сгинул. Тяжко ей одной-от...

– Вот и надо было говорить об этом, а то приналась допрашивать мужика про Гитлера!

– Ну простите меня, дуру старую! – Махнув досадливо рукой, Алёна Ивановна направилась в сени, но Егор остановил её:

– Баб, а хочешь, я поговорю завтра с ним, узнаю, обиделся или нет, и про тётю Любу скажу? Может, согласится ей помочь?

– «Тётя Люба»? Она же лет на семь-восемь старше тебя. «Тётя Люба!» – со смехом проговорила Алёна Ивановна.

– Ну, баб, она такая красивая, да и пацан у неё уже большой...

– У тебя тоже паренёк растёт, пять лет уже... А поговорить поговори, мол, не сердчай на бабку, старая она да глупая. А вот ежели он согласится Любке помочь, знать, не в обиде на нас.

– Ну про глупую бабку я не буду говорить, конечно, но про Любу скажу.

39

Поговорил Егор с Марком, нашёл минутку, когда они вдвоём остались, начал бодро, но потом смутился под пристальным взглядом напарника: «...не обижайся на бабушку, она же без зла говорила... там Люба есть, помочь бы ей...».

– Ладно, Егор, как у вас говорят, замнём для ясности, а на бабушку твою я не сержусь. За много лет со мной вчера впервые говорили по-человечески, с сочувствием, как же на это обижаться?! Ты знаешь, в гитлерюгенде какая дисциплина была! Особенно мне доставалось: мать русская, отец со штурмовиками Рёма знался, вот его и арестовали гитлеровцы. Да ты, я вижу, меня не очень понимаешь: штурмовики, эсэсовцы... А к этой Любе мы с тобой сходим через день-другой, починим ей крышу, если ты мне поможешь.

– Конечно помогу! – без промедления согласился Егор.

Вскоре на потемневшей от времени деревянной крыше избы Любы Селезнёвой издалека отливали белизной новые доски, а хозяйке уже не была страшна никакая гроза. В последующие дни Егор не раз встречал Марка около её дома, но ни о чём не спрашивал, зато Алёна Ивановна в один из осенних вечеров за ужином с улыбкой сообщила своим домочадцам:

– А Любка-то Селезнёва приняла к себе этого Марка! Вся светится ходит!..

– Ну и ладно, – буркнул Никита, – бабе тоже хочется семейной радости, натерпелась без мужа-то...

– А что, Марк – добрый мужик, рукастый, не злой, хоть и с гитлерами водился. Я его сразу поняла. – Чуть помолчав, спросила сына: – Никит, а как так может быть, чтобы воевать, а людей не убивать? Разве так бывает?

– Мам, ну ты опять?! – Никита с досадой даже ложку бросил на стол.

– Бывает, баб, – пришёл на помощь отцу Егор, – если он воевал где-нибудь в обозе или в тылу. А вообще-то Марк здорово изменился за последнее время – разговорчивый стал, шутит и про тебя хорошие слова говорил.

– Ну и слава тебе господи, может, ещё жизнь наладится у них, они же молодые...

* * *

Осень 1950-го мирно шла к своему завершению. Для семьи Кузнецовых она была спокойной, доброй. Дела на работе у мужчин шли на лад, шахта выполняла план, а значит, наряду с зарплатой её работникам, в том числе Егору и Фаине, выплачивали премии. Никиту эти премии не касались, но он был рад и той зарплате, что ему платили на хлебозаводе. А главное, что его давно не беспокоила рана. Рос весёлым и здоровым Витюшка, а Алёна Ивановна, оставшись с правнуком, нередко становилась перед божничкой и неистово молилась, прося у Господа здоровья всем родным, покоя и уюта в семье.

Тихая радость переполняла и Егора. Всё лето не давал о себе знать «дядя», подолгу не объявлялся и Юрка Рыжий, что тоже ему стало нравиться.

На Покров день к ним нагрянули неожиданные гости. Был ещё вечер, но на улице уже стемнело. Осенние свинцовые тучи неспешно плыли над землёй, угрожая в любую минуту обрушиться вниз водные потоки, а порывистый ветер то и дело поднимал столбы пыли и жёлтой опавшей листвы. Всё семейство Кузнецовых было в сборе, каждый занимался своим делом. За стенкой, в своей комнатёнке, стучал молотком Никита, решивший наконец накануне дождей подбить каблуки своих старых башмаков. Фаина, усадив рядом с собой сына на кровать бабушки, читала ему детскую книжку, а Алёна Ивановна, расположившись за кухонным столом, вязала носки. Са-

мого младшего, Витюшку, она уже обеспечила тёплой обувкой на всю зиму, теперь же обеспечила за другими членами семьи. И лишь Егор ничем был не занят, если не считать того, что он дремал на своей кровати, отвернувшись лицом к стене. Второй день не работал скиповой подъёмник, не производилась отгрузка угля, и потому все слесаря с утра до позднего вечера в поте лица крутились возле замершего механизма, возвращая его к жизни.

Наряду с рабочими здесь же дневали-ночевали механики, энергетики, даже сам директор шахты счёл необходимым проверить, как идёт ремонт скипового механизма. И как заклинание повторял вполголоса:

– Мужики, поднажмём дружно, два дня отгрузка не идёт, конец года. Не дай бог план завалим – без денег останемся и премий не видать!

Вчера Егор вообще пришёл домой после десяти, но сегодня Терешкин отпустил его пораньше.

В обеих комнатах давали неяркий свет две электрические лампочки, а от печки тянуло теплом.

Где-то внизу, в начале улицы, послышался звук едущей повозки.

– Кому-то не сидится в этакую погоду, – вслух подумала Алёна Ивановна, не переставая ловко работать спицами.

Около их дома повозка остановилась. Глянув в окно, женщина увидела, как из неё вышли двое и о чём-то переговариваются с возницей.

– Никак к соседям гости? – продолжала домысливать Алёна Ивановна. Но вспомнив, что у Пивоваровых нет ни детей, ни внуков, снова взглянула в окно. – Кто бы это мог быть?..

Теперь она увидела, что двое направляются в их ограду.

– Ах ты господи, кто же это может быть в такой поздний час? Фаина, к нам кто-то приехал... Ты сени-то заперла на засов?

– Конечно, мама, а что, открыть надо?

– Надо, да только ты спроси, кто это, а то не дай бог какого злодеяпустишь! А перво Никите скажи о гостях, пусть он их встретит, мужское это дело – чужаков встречать.

Вскоре в сенях лязгнула дверной засов, раздалась громкие голоса, и в избу вошли Никита, а за ним мужчина и женщина в плащах с поднятыми капюшонами.

– Никак промокли в дороге? – спросила хозяйка, разглядывая вошедших, а когда они скинули плащи, обмерла от неожиданности и выр-

70

нила из рук своё рукоделие. – Яша?! Рая?! Откуда вы?

– Здравствуй, здравствуй, Алёна Ивановна, – прогудел в ответ мужчина простуженным голосом. – Однако не думала, что свидимся, а мы тут как тут! И даже промокнуть не успели, потому как дождичек только начался.

Они обнялись и трижды расцеловались. Вслед за мужчиной в объятия хозяйки со слезами бросилась женщина:

– Ой ты, боженька, как хорошо, что мы вас нашли. Как хорошо!.. Когда ехали, я всё думала, как вас буду благодарить за сына Ильюшку! Нашли мы его, сейчас вот едем к Яшиной сестре и решили вас навестить да в пояс поклониться за работу на нашем сыночке.

Чуть отстранившись, женщина до пола поклонилась Алёне Ивановне.

– Как же вы нас нашли? – спросил Никита.

– В Урском были – Евдокия Павлова рассказала, где вас искать. Приехали на шахту «Пионерка», а ваш след там простыл. Уже на шахте какой-то пожилой мужик подсказал, куда вы переехали. В Белово нашли возчика, чтобы ехать в Бачаты и завернули до вас.

– А кучер-то куда пропал?

– За него не волнуйся, тётка Алёна, у него здесь где-то кум живёт... Завтра поутру заберёт нас, и мы дальше поедем.

...Уже через полчаса все сидели за накрытым столом, а из угла горницы бросал пытливые взгляды в сторону громко и весело разговаривающих взрослых маленький Витюшка.

Утолив жажду и голод, гости и хозяева продолжали вести оживлённый разговор о своей жизни, тринадцать лет из которой они провели вдали друг от друга, только теперь они говорили вполголоса и смех всё реже звучал в горнице.

– Мы ведь домой добираемся уже второй год, – рассказывал Яков, – по Томской области поехали, Красноярский край захватили... Легко ли без документов кататься по чужим краям, чуть было в каталажку не попали. С сестрой-то списались ещё когда в Томске были, она-то и рассказала про сына, про вас, что знала. Намеревались сразу к сестре ехать, к сыну, но оказались в Гурьевске, не утерпели и заехали в Урское – хотелось повидать родной край. Как знать, придётся ли ещё быть здесь.

– Ну что, повидал, Яша, родную деревню? – спросил Никита, разливая самогон по стаканам.

– Да, Расскажи нам, Яша, что там нового? Мы-то ведь там были в последний раз аж в сорок втором году, – поддержала сына Алёна Ивановна, – за продуктами ездили. Голодный год выдался тогда, вот Егорку брала с собой да ещё одного пацана.

– Да-да, тётка Дуня Павлова рассказала, как вы приезжали, как Фёдор Гордеич в Урское наведывался, какжись, в конце тридцать седьмого, про Ивана Кочергина, царствие ему небесное.

Все сидящие за столом дружно перекрестились.

– Как там Спирька-то, всё торгует?

– Нет, тётка Алёна, сельпо закрыли давно, а Спирька перебрался в Барит. Там какой-то завод открыли, посёлок расстроился, вот он туда и переехал. Говорят, растолстел безбожно, одышкой мается...

– Баб, так он и тогда был толстый... – вставил слово Егор.

– Кого ты понимаешь, – одёрнула его Алёна Ивановна, – малой ты был тогда, чтобы помнить.

– ...из зауринских там почти никого не осталось, Горкуновы, Дмитриевы, Золотаины то ли уже уехали куда, то ли на чемоданах сидят, не поняли мы. Все в Белово хотят ехать, здесь шахты, цинковый завод, чугушка, а там колхоза уже давно нет. К тётке Дуне сыновья вернулись из армии, повоевали оба, Евдокия-то показала их медали, а вот самих мы не видели. Говорит, уехали куда-то, работу ищут да новое местожительство.

– А я видел Мишку Павлова год назад, – снова заговорил Егор, – он в отпуск приезжал и хотел после армии на нашу шахту идти работать...

– Ну ежели приедут в Белово, то свидимся и с Дуней, и с ребятами. Они ведь годки с нашим Егором, но Егора в армию не взяли – броня была на шахтёров.

– Да не броня, а бронь, – поправил мать Никита. – Давайте-ка выпьем за наших земляков, за урских, чтобы где бы ни встретились они, везде были друзьями и товарищами.

Когда все дружно выпили, Яков с удивлением посмотрел на стакан Никиты, содержимое которого ничуть не уменьшилось.

– А ты, что же, Никита? Или выпил уже свою бочку?

– Да, Яш. Похоже, выпил своё, – грустно произнёс тот и, подняв прядь рыжеватых волос, показал свой шрам на голове. – Военная метка, говорят, на всю жизнь...

Их разговор перекинулся на войну, и теперь вспоминали общих знакомых, кто воевал, кто погиб, а кто вернулся домой. Было уже за полночь, когда Фаина уложила спать сына, прибрала на столе, поставила новые закуски, и застолье продолжалось.

– Тётка Алёна, Алёна Ивановна, а мы ведь привез тебе привезли от... вашей золовки, от Меланьи Михайловны...

– Что ты, что ты?! – испуганно взмахнула руками женщина и, обернувшись к иконе, трижды перекрестилась. – Неужто правду говоришь?!

– Вот жена не даст соврать! Мы когда ушли в тайгу, блуждали около месяца, все припасы проели, но местные жители подобрали нас, накормили. С месяц мы пожили у них, да уж больно непривычно они живут, и решили мы оставить их. Указали они нам, в какую сторону идти, провизии дали, и мы пошли. С неделю бродили по тайге, пока не наткнулись на странных людей. Это были староверцы из раскольников с кита. Привели туда нас. В самой гуще тайги небольшая крепостца, обнесённая бревенчатым забором, ворота на запоре, сторож около них. Ушли от советской власти сразу после революции и все эти годы там жили, хозяйство вели да Богу молились. Никто их там не искал. Там-то мы и прожили столько лет. Мы даже не знали, что была война, и уже года два спустя проходили рядом геологи, они-то и рассказали: про войну, про нашу победу, что никого теперь не арестовывают, разрешают Богу молиться. Вот мы тогда и надумали с Раей выбираться из этого скита на большую землю. Всё же мы не привыкли жить в тайге...

– Яш, ты про Малашку рассказывай, а не про тайгу, – осторожно попросила Алёна Ивановна.

– Да-да, конечно... – поспешно отозвался Яков. – Старшим в этом ските был могучий мужик – отец Силантий, а духовной матерью их была блаженная Меланья, в миру Меланья Михайловна Кузнецова. С её благословения нас приняли в скиту как родных, и жили мы там все эти годы. Чуть было ребёночка там не завели, да Бог по-своему рассудил – умер наш мальчик, до году не дожил...

– Так вот где наша Малаша нашла своё упокоение, – с грустью в голосе проговорила Алёна Ивановна и перекрестилась.

Не сговариваясь, все сидящие за столом сотворили молитвы в память об ушедших, а также во здравие живущих. Потом ещё долго продолжался их полуночный разговор. Уже спали Егор и

Фаина, прилегла и гостя, оставив за столом Алёну Ивановну, мужа Якова Яковлева и Никиту.

ГЛАВА 4

Непросто, трудно, но упорно выбиралась страна из войны. Зачищались от руин разрушенные города, ремонтировались и прокладывались новые дороги, восстанавливались фабрики и заводы, закладывались новые шахты. Кузбасс, ставший в годы войны главным угольным центром СССР, продолжал наращивать свой промышленный потенциал. Новые шахты требовали рабочих рук. По директиве народного комиссара ВД СССР и народного комиссара угольной промышленности СССР за 1946 год спецконтингент из числа власовцев, легионеров и других лиц, служивших в немецких войсках, переводился в проверочно-фильтрационные лагеря, а после фильтрации распределялся за действующими и строящимися предприятиями угольной промышленности согласно заявкам, поступившим от руководства учреждений МВД регионов.

В Кузбассе, как и в других угольных центрах страны, эти люди, истощённые, плохо залечившие свои раны, не подготовленные к специфике труда под землёй, не выдерживали всех тягот шахтёрского труда. В их среде была высокой смертность, а кладбище, где хоронили спецпереселенцев, работавших на шахте «Чертинская 2/3», теперь уже растянулось вдоль дороги, ведущей из Белово в Черту, почти до самого базара. И там, где ещё совсем недавно горняки устраивали свои пирушки, теперь неровными рядами высились безымянные могильные холмики. А на замену умершим на шахту периодически привозили на крытых автофургонах новые партии спецпереселенцев из других районов Кузбасса.

...Весной 1951-го к двухэтажному зданию комендатуры неторопливо подкатили два грузовика с крытыми брезентом кузовами. Из кабин выскочили два милиционера с револьверами на боку.

Один из них, старший по званию, громко командовал:

– Выгружайсь! На поверку становись!

Из машин стали выпрыгивать люди, они на ходу разминали руки, ноги, негромко переговаривались. Они были в серой рабочей одежде, на плече у каждого висела небольшая холщовая котомка.

– Поторопись! – продолжал командовать милиционер. – Равняйся, смирно! – С кривой усмешкой осмотрел он неровный, колышущийся

строй, бросил: – Ладно, гвардейцы тыловые, только!

Вынув из планшета пачку листов, он начал переключку.

– Свинцов, Ляпин, Котов...

В ответ раздавалось то игривое, то угрюмое – «я», «здесья», «тута».

Прервав переключку, милиционер сердито заявил:

– Не «здесья» и не «тута», а «я»! Вроде военные все, а прямо как деревенские мужики! И вообще, веселиться будете, когда полезете в шахту, а тута всё должно быть сурьёзно!

После чего переключка продолжилась.

За всем этим действием из окна второго этажа здания наблюдал пожилой мужчина. Майор Кравцов два года назад сменил место службы: оставив гурьевскую милицию, переехал в Белово, где возглавил спецкомендатуру в посёлке Чертинский.

Вскоре в дверь его кабинета постучали, и, чеканя шаг, вошёл милиционер:

– Товарищ майор, лейтенант Слепцов доставил из лагеря № 142 НКВД СССР для военнопленных сорок восемь единиц спецконтингента согласно документу, для выполнения ими особого задания. Все здоровы.

– Что здоровы – это хорошо. Оно, здоровье, им здесь очень понадобится, а что касается «особого задания», так уголёк они будут ковырять из-под земли. Тебе знакомо это дело?

– Мне-то нет, товарищ майор, но этот уголь они уже несколько лет ковыряют, обученные уже...

– Это хорошо, а то ведь нам тут их учить некогда – план давать надо, и веселиться в шахте, как ты говорил, им будет некогда. Ладно, расслабься, лейтенант, давай документы да присядь на табуретку, не засти свет.

Бегло просмотрев документы, майор кликнул своего помощника из приёмной.

– Значит так, Василий, примешь товар у лейтенанта, объяснишь, где столовая, накорми шоферов и конвой, заправь машины перед дорогой и проводи, а людишек распредели по баракам. Да пересчитай сначала – сорок восемь штук должно быть. А теперь ступайте с Богом, оба!

Утром следующего дня в комбинате шахты было особеннолюдно. Получив наряд на смену, шахтёры выходили из раскомандировочных комнатов и толпились в коридоре, многие перед спуском

в шахту лихорадочно выкуривали последнюю папироску. В это же время в коридор влилась целая колонна мужчин. Они шли неторопливо, внимательно рассматривая как само помещение, так и толпящихся здесь шахтёров.

– Ба, ребята, да это, похоже, новеньких привезли. Так, нет, мужики? – кто-то высказал вслух предположение.

– Да вот, прислали к вам на помощь из Новокузнецка, – отозвался из колонны новичков чей-то задорный голос, – а то, говорят, совсем работать здесь разучились.

– Это кто ж такое говорит? – удивился один из шахтёров, докуривающий папироску. – Врут всё, гады!

– Хватит балабонить! – резко прекратил болтовню помощник коменданта, который шёл во главе колонны новых работников. – Слушай мою команду. Вам сказано было, за каким участком вы закреплены. Названия участков написаны на двери, начальники и их заместители вас ждут. Вперёд! Не забудьте, что опаздывать на работу нельзя, ночевать будете только в своём бараке, а один раз в неделю отмечаться в комендатуре! Всё!

Офицер пошёл на выход, а новички, заглядывая на названия участков или расспрашивая стоящих рабочих, стали расходиться по месту своей приписки.

К участку внутришахтного транспорта, у дверей которого толпились рабочие после наряда, готовые спуститься в шахту, подошли двое мужчин среднего возраста.

– Мужики, здесь подземный транспорт находится? Начальство здесь? – это спросил смуглолицый мужчина лет пятидесяти, чёрная шевелюра которого была богато разбавлена сединой.

– Здесь, уважаемый, – отозвался бригадир слесарей Терешкин, – и Виктор Иванович, наш начальник, как раз на месте. – Он отступил в сторону, открывая дорогу новичкам.

Едва они вошли в кабинет, как смуглолицего за рукав остановили.

– Фред?!

Тот обернулся и тоже удивлённо воскликнул:

– Марк?! Как ты здесь?

Но это время раздался голос начальника участка:

– Всё, ребята, пошли, пошли! Потом знакомиться будете, а новеньких прошу в кабинет.

Новая встреча Марка Ратке и Фреда Кузнецов состоялась уже на следующий день.

– Не ожидал тебя встретить здесь, Марк, – сказал Кузнецов.

– Надо сказать, Фред, я и сам не ожидал, что окажусь здесь, да, видно, на роду так написано.

Фёдор Кузнецов, которого Марк Ратке знал как Фреда, последние два года работал на новокузнецких шахтах машинистом подземного электровоза, а потому с радостью был принят руководством участка, но в конце собеседования начальник участка предупредил новичка:

– Работать, Фёдор Гордеевич, будете на аккумуляторном электровозе, поскольку наша шахта опасная по газу. Но электровоз пока находится в ремонте, а потому вам придётся помочь нашим слесарям отремонтировать эту технику.

Встретившись уже около ремонтируемой техники и воспользовавшись передышкой в работе, Фёдор отозвал Марка в сторону:

– На пару слов...

Когда они отошли, Фёдор спросил осторожно:

– Как будем строить отношения, герр майор?

– А как бы вы хотели, господин есаул?

– За мной должок, Марк, ты же тогда в лагере пули пожадничал для меня и отправил в Италию...

– А ты жалеешь об этом?

– Не жалею, – отозвался Фёдор и протянул руку для рукопожатия, – а за то, что пулю тогда сэкономил – спасибо на всю оставшуюся жизнь!

– Правильно, в трудную минуту надо держаться старых знакомых, старых друзей. И хотя тогда мы не успели стать друзьями, сейчас это может случиться.

– Конечно может, только называй меня лучше Фёдор. Я почти дома, и отзываться на Фреда как-то не с руки...

– Хорош, однако, у тебя сегодня дом, Фёдор Кузнецов, – барак!

В этот время к ним подошёл Егор. Брезентовая сумка с инструментом была у него на плече.

– Марк, бригадир меня и Лёшку Коробкова отправляет наверх по делам, а ты остаёшься здесь.

– Понял. Кстати, познакомься, это мой сослуживец...

– Тоже за Гитлера воевал? – с некоторым вызовом спросил Егор.

– О-о! Какой суровый молодой человек! – с лёгкой усмешкой произнёс Фёдор, а Егор, смутившись собственной бестактностью, заговорил уже извиняющимся тоном:

– Ну, в общем, меня зовут... Георгий, – и протянул руку.

Чуть замешкавшись, Фёдор пожал руку и тоже представился:

– Фред. Но про Гитлера всуе лучше не будем вспоминать, не так ли, Георгий?

– Да, конечно, – согласился Егор и поспешил за Коробковым, который уже направлялся к коренному стволу.

* * *

Переговаривались Фёдор и Марк во время работы и пока добирались на-гора, а после мойки вместе отправились в столовую. Их барак находились рядом, и они, присев на скамейку, продолжали говорить, и, казалось, конца не будет тому разговору. Фёдор всё это время не без удивления наблюдал за своим бывшим сослуживцем: куда делась надменность, где его холодный взгляд? Но вскоре он уже без внутреннего напряжения разговаривал с Марком, даже пытался шутить. «Как всё-таки неволя меняет людей, – подумал он, – и слава Богу!»

И опять Марк взял на себя роль опекуна над Фёдором и пообещал похлопотать перед старшим барака о переводе в свой барак.

– У нас тут публика почище, поинтеллигентнее: офицеры, русские, немцы, венгры, а там мусульмане, поляки, бандеры. Ох и поганый же оказался народишко эти хохлы, так и норовят кого-то обмануть!

Так случилось, что почти всё время с утра и до отбоя они находились рядом: вместе шли на работу, вся их смена проходила около электровоза, а вечером возвращались опять же вместе в барак. В выходной день Марк ознакомил Фёдора с Чертинским посёлком, заглянули они и на базар, где прикупили всякой зелени, уже появившейся на торговых прилавках: лука, редиски, укропа. Это хоть немного скрасило их скудный стол. Впрочем, когда электровоз был наконец отремонтирован и Фёдор опробовал его в работе, встречи их стали реже. Кузнецов гонял своего железного коня в сцепке с вагонетками, наполненными углём, по лабиринтам шахты, а Марк на пару с Егором тоже мерил подземные километры, но уже пешком. Теперь они встречались только по вечерам в бараке. Слово своё Марк сдержал, и уже через неделю Фёдор перебрался в их барак. Его нары находились рядом с нарами Марка.

Вскоре Фёдор заметил, что иногда его товарищ куда-то исчезал по вечерам и появлялся глубокой ночью или вовсе утром, когда надо было идти на смену. О причинах таких отлучек Фёдор не стал спрашивать, решив, что Марк сам скажет, когда придёт время. И вскоре оно наступило.

В первых числах июня им выдалось возвращаться вместе с шахты. Тогда-то и спросил Марк Фёдора:

– Ты чем заниматься будешь в выходной день? Не поможешь мне сараюшку сколотить для... одной моей знакомой?

– Это той самой, у которой ты иногда скрываешься по вечерам?

– У той самой, – сознался Марк.

– Я уже понял, что некоторых наших ребят из барачков привечают бабы. Что ж, это, пожалуй, выход как для одних, так и для других, мужиков-то много полегло, одни бабы вокруг. А супротив природы не попрёшь! Так же?

– И так, и не так... – как-то туманно ответил Ратке. – Я ведь, Фёдор, здесь хочу остаться. Женщина прекрасная, добрая, красивая. Ребёнок есть, так у меня и там был тоже не свой ребёнок.

– И что же, ты к ней не вернёшься?

– А некуда возвращаться, Федя. Еще в сорок пятом в Австрии сообщил мне один знакомец, который на побывку ездил в Мюнхен, что взяла развод моя благоверная Эльза, продала отцовский дом, забрала своего сына и уехала с каким-то раненым лётчиком, даже адреса не оставила. Что же мне остаётся делать?

Они стояли невдалеке от своего барака и решили закончить разговор здесь, поскольку в бараке им просто могли не дать договорить.

– Может быть, ты прав, Марк. Мужик ты ещё молодой, а жить надо. А я вот хочу вернуться домой... Там у меня Марта и сын Юлиан. Ему уже за двадцать, совсем большой. Хочу хоть на свадьбу успеть. Слышал разговоры, что скоро амнистию объявят и тогда могут разрешить выехать на родину.

– Фёдор, а ведь у тебя родина здесь?

– Видишь, какие повороты случаются: ты, немец, здесь останешься, а я, русский, туда хочу.

– Я ведь тоже амнистию жду, тогда, говорят, и по закону жениться можно.

– И дай тебе Бог удачи в этом деле, а помочь я, конечно, тебе помогу, заодно и с невестой твоей познакомлюсь. Тогда, может быть, и на свадьбу пригласишь.

Просмеявшись, они направились в барак.

Заранее предупреждённая хозяйка накормила гостей вкусным обедом, после чего они отправились работать.

– Вот здесь стояла сараюшка, да сгнила уже вся, – вводил Марк в курс дела товарища. – Её я разобрал и сложил за домом, но надо мусор убрать – тележка нужна.

– Мусор убрать, конечно, надо, но ты же не будешь сарай на том же месте ставить? Вон прилепил его к стене дома – и порядок! Всё досок меньше понадобится, а на каркас пойдёт твой тонкомер, что ты спрятал за домом. Думай, где тележку взять!

– Кажется, придумал, – радостно заявил Марк. – Когда крышу Егору чинил, то видел у них такую тележку, с ящиком, и досок у них полно.

– Далеко это?

– Да нет, вглубь по улице метров триста-четыреста... Идём?

Вскоре они остановились у ограды, окружавшей небольшой дворик невысокой избёнки.

Оглядевшись по сторонам, Марк недовольно буркнул:

– Опять этот любопытный дед!..

– Ты что ворчишь? – удивился Фёдор.

– Только не оборачивайся: сосед у них, что в доме напротив, пока ремонтировали крышу – от окна не отходил, всё что-то высматривал, и сейчас нас разглядывает.

– Любознательный дед, наверное. Войдём в дом или сюда хозяев вызовем?

Марк неожиданно звонко свистнул. В окне мелькнуло чьё-то лицо.

– Егор! Выйди к нам!

– Никак гости, Егорша? – спросила Алёна Ивановна, сидевшая у окна.

– Никак Марк пришёл?

– Щас, баб, – вскоре он был уже в ограде и катил перед собой тележку.

– Никита! – крикнула Алёна Ивановна в надежде, что сын, находившийся в своей каморке, услышит её.

Услышал он и вскоре присоединился к матери.

– Вижу: Марк, Егор и ещё какой-то мужик... Ну-ка, ну-ка...

Он опрометью бросился на улицу, а в следующее мгновение Алёна Ивановна увидела, как Никита схватился с незнакомым мужчиной прямо у калитки.

– Ах ты господи! – вскричала она и, схватив кочергу, кинулась на помощь сыну.

Испуганные Фая и Витюшка притихли в дальнем углу горницы.

– Вы что это удумали народ смешить, а ну разойдитесь! – Мелкими шажками она стремительно приближалась к мужчинам, размахивая кочергой.

Никита обернулся к ней со слезами на глазах и воскликнул:

– Мама! Это же наш Федя!!!

Ноги женщины подкосились, и она упала бы наземь, но была подхвачена сыновьями. Осторожно ведя мать под руки, они вошли в дом. За ними – Егор и Марк...

...С подачи вездесущей женушки Кондратия Пивоварова уже на следующий день все в посёлке знали, что «к Кузнецовым накануне приходили два мужика, с которыми Кузнецовы сначала задрались, а потом пошли в дом и устроили гулянку...».

Теперь Фёдор Кузнецов редкий день после работы не заходил к матери. Как ни трудно было в те годы с питанием, а заботливая Алёна Ивановна всегда умудрялась чем-нибудь вкусненьким угостить правнука Витюшку и воскресшего из многолетнего небытия своего старшего сына. Впрочем, в бараке вечером Фёдору теперь даже не с кем было поговорить: Марк, получив разрешение у нового коменданта, перебрался на постой к своей Любе Селезнёвой, а с другими обитателями барака ни он, ни Марк не заводили близкого знакомства.

Встретились они как-то с Марком в мойке, и тот, отчаянно намыливая голову, успел шепнуть добрую весть:

– Фёдор, комендант новый – совсем неплохой мужик, хотя раньше в милиции работал. Он, говорят, спокойно смотрит на то, чтобы спецпереселенцы жили на квартирах. Главное, чтобы работали хорошо да не нарушали порядок. Месяц пройдёт – иди к нему с заявлением, а вдруг разрешит?!

Такая перспектива обрадовала Фёдора, и после истечения месячного пребывания на шахте он отправился к коменданту...

Грузный пожилой мужчина, с чисто выбритой головой, во френче, сидел в своём кабинете, изучая рапорта старших по баракам, и делал пометки в журнале. В приоткрытую дверь он видел, как в приёмную вошёл спецпереселенец в робе.

На пороге кабинета его остановил визгливый голос секретарши Марии:

– К Антон Ивановичу нельзя, он занят!

Мужчина что-то стал пояснять глухим голосом, но та упорно стояла на своём. Невольно Кравцов вспомнил свою «железную секретаршу» в Гурьевском ГРОВОД: такая же была неприступная!

Он крикнул:

– Маша, пропусти гражданина!

Мужчина вошёл, прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно шурша листком бумаги.

– Ну-с, что надо?

– Хочу передать заявление...

– Доложитесь по форме, коли пришли!

Мужчина вытанулся и доложил на удивление густым голосом:

– Фёдор Кузнецов, спецпоселенец из третьего отряда, работаю на участке подземного транспорта, машинист электровоза.

– Ясно, а что за заявление?

– Прошу разрешить переехать из барака на квартиру в посёлок. За проживание буду оплачивать из своей зарплаты. Замечаний по работе не имею.

– Вот как: коротко и ясно! Никак военный?

– Когда война идёт, нормальные мужики воюют, а не под кроватью прячутся.

– Это так, – с усмешкой ответил комендант, – так почему ты здесь, у меня в комендатуре, а не на воле? Не за тех воевал? Никак на русских мужиков руку поднял, хотя сам русский?

– Русский, русских мужиков не убивал, оружия в руках не держал, но состоял на службе у врага и потому здесь, отбываю наказание. Претензий не имею.

– Ишь ты каков! Это хорошо, когда всё без претензий! Ладно, давай заявление да присядь на табурет, что рядом с тобой, набегался поди за день-то?

– Есть маленько, гражданин майор, – сдержанно ответил мужчина, кладя на стол своё заявление, после чего присел на табурет.

– Так, – быстро пробежал глазами заявление комендант, – значит, присмотрел бабёнку вдовую и просишься к ней на постой? А что – тепло, сытно и... всё такое разное? – Он ехидно улыбался, глядя на посетителя.

– Никак нет, гражданин майор, мать встретил тут, старая она, без помощи ей трудно...

– Вот даже как? – комендант убрал с лица улыбку. – А ну-ка о себе подробнее? Где служил, в каком звании?

– Я тут недалеко родился, в Урском, в Гурьевском районе. Во время Гражданской войны, а я тогда ещё совсем молодой был, ушёл с казаками на Восток, а там – в Европу. Женился, работал на заводе, а когда война началась, меня призвали в школу абвера, агитатором...

– Постой, а почему тебя с завода призвали?

– Так война же, а я был уже есаулом...

– Экий ты шустрый оказался – есаул?..

– Так получилось, гражданин майор.

– М-да, и что же есаул делал в абвере во время войны?

– С немецким офицером ездил по концлагерям и агитировал казаков вступать в РОА.

– Значит, искал предателей? Много нашёл?

– Мало...

– Значит, плохо искал!

– Плохо, но главное, народ в лагерях оказался крепким, хотя шкурников и там хватало. А однажды я сам подставился и призвал пленных не воевать против русских, потому, что «война уже проиграна, а родина вам не простит этого предательства...».

– И ты живой остался?

– Так получилось, гражданин майор, но меня послали на фронт, а там нас взяли в плен и потом сюда отправили.

– М-да, коротко, но ясно. Знаешь, есаул, мне нравится, что ты не к бабе просишься под подол, а к матери. И ещё то, что мы с тобой почти земляки – я ведь тоже из Гурьевского района... Постой-постой, а у тебя родственника там не было – тоже Фёдора, тоже Кузнецова?

– Был, дядя – Фёдор Кузнецов. Он за большевиков был, в тюрьме сидел, а больше я о нём ничего не знаю.

– Зато я знаю. Встречался я с твоим дядькой: был он командиром ЧОНа...

– А что это такое – ЧОН?

– А-а, ты же за кордоном жил, даже не знаешь, что такое ЧОН... Части особого назначения, банды он гонял со своим отрядом по Сибири, потом служил где-то на Востоке, полковником был...

– Что с ним?

– Убили твоего дядьку, свои же убили в тридцать седьмом. Тогда у генералов и маршалов головы летели почём зря! М-да, встречался я с ним – лихой боец! Арестовать хотели по навету одного подлеца, а он им не дался. Кучу оперов положил и сам застрелился.

– У того подлеца есть фамилия?

– Есть конечно, возможно, не одна. Я его сам выгнал из милиции, но он где-то живёт теперь под чужой фамилией. Двуликие люди порой умудряются прожить две жизни, а это плохо! Я так считаю! Кстати, он и брата этого полковника подвёл под монастырь.

– Моего отца? Гордея Михайловича?

– Ну, кто он по отчеству, я не знаю, но слышал, что Гордеем кликали. Ты же Гордеич? – Он глянул в заявление, но там были только фамилия и подпись.

– Гордеич я... – ответил посетитель.

– Ну вот, по его приказу раскулачили твоего батю, но когда комиссия пришла к нему...

– ...он их встретил с топором в руках и умер от разрыва сердца. Мама мне уже рассказала. Как фамилия этого подлеца?

– Мать-то, наверное, знает, спросил бы.

– Какой-то Кутько Богдан Иванович...

– Ну вот, ты и сам всё знаешь, а я здесь ни при чём. Мерзкий мужик, прямо скажем. Что, искать будешь, мстить?

– Шутите, гражданин майор? Искать в моём-то положении? Но если встречу – не промахнусь!

– Ух! Смотри ты, кузнецовская закваска вылезит! Ладно, есаул, подпишу я твоё заявление, живи у матери, но на работу не опаздывать, не нарушать режим, а то ты прямо с маминого дома можешь попасть в карцер! Открепись у старшего барака, и пусть он снимет тебя со столового довольствия – у мамы теперь будешь столоваться!

– Спасибо, гражданин майор. – Фёдор взял подписанное заявление и направился к выходу, но задержался у двери. – Разрешите вопрос, гражданин майор?

– Валяй, есаул!

– Вы, похоже, очень смелый человек! Так разговариваете со спецпоселенцем да ещё отпускаете его на квартиру?..

– Никак угрожаешь, Кузнецов?

– Никак нет, гражданин майор, просто я много слышал, что все энкавэдэшники – сущие звери, а тут оказывается, что не все...

– Ну-ну, ты ещё похвали меня, а я заплачу! Я тоже зверь... Был когда-то... Наверное, но сейчас я уже старый стал, устал бояться. Да и вижу, с кем говорю. Может быть, меня ты и предал бы, но ведь за тобой мать?! Так?

– Так.

– Ежели что случится, то не только ты, но и вся твоя родня загремит под фанфары! Ты же не дурак? Нет, вижу. И ещё потому я так с тобой го-

ворил, что мой рапорт об отставке уже там, – он поднял палец. – Может, ты ещё и переехать к мамочке не успеешь, а майор Кравцов уже будет пенсионером. Ступай, есаул, и забудь, что слышал здесь!

* * *

Решив вопрос со старшим по бараку и забрав свой скромный скарб, Фёдор торопился в тот маленький домик, где его ждали родные люди. «Наконец-то, – думал он, – за много лет судьба мне улыбнулась: встретил мать, брата, племянника и даже внучатого племянника». Практически вся кузнецовская родова была вместе. Его появление в доме все встретили радостно, и только Фая, насупив губы, упорно молчала. Появление в тесной избушке ещё одного взрослого и практически незнакомого ей мужчины её не радовало. Егор, словно всё поняв, пытался как-то скрасить настроение жены, шутил.

Уже за столом, подняв тост за удачу, Фёдор озвучил мысль, которая весь вечер держала в плену Фаину.

– Тесновата избушка становится, стеснять молодых да старых мы не будем, сделаем так: стенку предбанника... Прости, Никита, что я так неблагозвучно обозвал твои хоромы, но мы одну стенку разберём и увеличим её на два-три метра. Мне этого хватит, даже ещё разгородиться с тобой сможем деревянной перегородкой. В самые морозы, конечно, там будет холодновато, тогда придётся спать в горнице на полу. А как иначе?

– А ежели стены сделать засыпными? – спросила Алёна Ивановна. – У нас отец Ермохи в Урском долго жил в такой избушке, пока дом из брёвен не справили. И ничего – выжил.

– Пожалуй, это выход, – согласился Никита. – Новый дом нам сейчас не поднять, а жить-то надо. Делаем двойные стены и простенок засыпаем золой и опилками...

– А чтобы пыль не проходила сквозь щели – оклеить стены изнутри старыми газетами, – предложила зарозовевшаяся от выпитой настойки мать.

Больше недели мужчины колотили себе жилище, им помогал Егор, и даже Витюшка норovil быть чем-то полезным своим дедам. Едва сдерживая раздражение, Фаина однажды предложила Егору прогуляться в посёлок, сходить в Дом культуры «Горняк», пройтись по недавно заложенному скверу. Уже в дороге она принялась жаловаться Егору о том, как её утомила эта

жизнь в тесноте, этот вечный перестук молотков и топоров, мужчины куда ни ткнись.

– Мы даже пообниматься толком не можем с тобой раз в неделю, то Витюшка не спит, то бабушка, а теперь ещё зимой эти мужчины будут спать рядом. А отец-то нет-нет да ещё кричит по ночам...

– Но он же раненый!

– Ты хочешь, чтобы и я кричала от сумасшествия? Скоро будет! Устала я, Егор, так жить!

– Ну что ты, Фаечка, по дому всё бабушка делает, ты даже посуду редко моешь, за Витюшкой она смотрит, мы же только по выходным гуляем с ним. Разве что когда стирку затеете, то и тебе достаётся...

– Но я ещё и работаю, дорогой мой муж!

– Но ты же не в шахте вагонетки толкаешь. А знаешь, как бабы, что работают под землёй, пащут?! Это тебе не рисуночки рисовать на бумаге...

– Ах вот как! – Она резко дёрнула плечиком и ускорила шаг.

Егор побежал за ней вдогонку и уже другим тоном заговорил:

– Ну, Фаюша, ну что делать-то? Ведь не выгонишь дядьку в барак после всех его мытарств, а отца больного куда?..

– Вот дружок твой, Юрка Рыжов, холостяк, а сумел получить хорошую комнату. Он же как-то тебе хотел помочь в этом?

Словно тень легла на лицо Егора. Ему вспомнилась нагловатая и самодовольная физиономия дружка, с которым они теперь встречались очень редко, и это вполне устраивало Егора. Ещё и потому не хотел он лишних встреч с Рыжим, что всякий раз в разговоре тот вспоминал их «дядю», Петра Петровича, а это возвращало унижительные разговоры и тайные страхи, что его двойная жизнь может внезапно раскрыться. Больше года он не видел «дядю» – дальше бы так!

– Ну ладно, Фая, я подумаю, как решить этот вопрос. В конце концов, пойду в шахтком и напишу заявление на комнату: семья, ребёнок, скажу, что другого ждём, бабушка престарелая... В общем, придумаю, а сейчас мы погуляем по парку и сходим в кино.

– А какая сегодня картина?

Похоже, Фая пошла на примирение и больше о квартире разговор не заводила.

В Доме культуре шёл фильм «Повесть о настоящем человеке». Фая уже слышала о нём и только губки сморщила:

– Опять про войну! Не хочу я идти на него.

Уставший от капризов и претензий жены, Егор согласился:

– Идём гулять в парк, на качелях покачаем-ся, на каруселях, может, пиво продают...

– Это хорошо бы, – заулыбалась жена, – а то жарко. А если надумаем, то и в кино сходим на последний сеанс, людей-то немного и билеты есть...

За час, что они гуляли по скверу при Доме культуры «Горняк», они обошли все аттракционные, которых оказалось не столь много, и уже на выходе заметили небольшую толпу, собравшуюся около бочки, где розовощёкая продавщица, левой рукой налегая на насос, разливала пиво по банкам и кружкам.

Прохладное пиво вернуло молодым бодрости, и уже сама Фая предложила «посмотреть картину про войну».

– Привет, молодожёны! – вдруг раздался у них за спиной громкий озорной голос.

Фая с Егором дружно обернулись: с сияющим лицом перед ними стоял Юрий Рыжов.

– Хм, шутник, – буркнул в ответ Егор, – у нас сыну уже семь лет, а ты всё молодожёнами дразнишь.

– Ладно-ладно, уж и пошутить нельзя! Сейчас я возьму себе кружечку, освежусь, а потом пойдём ко мне в гости...

– Мы хотели идти в кино... – пытался возразить Егор, но Фаина быстро согласилась:

– Идём-идём. И ты покажешь нам свою комнату?

– Конечно. И даже угощу стаканчиком вермута!

Щёлкнув замком, Рыжов распахнул дверь настежь, приглашая войти:

– Для друзей мой шалаш всегда открыт!

– Посмотрим-посмотрим, какой у тебя шалаш! – осторожно переступая порог, проговорила Фая.

Егор прошёл молча и сразу закурил.

– А что ты ремонт не делаешь? – принялась наводить критику женщина. – Потолки все серые...

– Это потому, что я здесь курю, да и твой Егор тоже коптит мой потолок, – шутил хозяин, доставая из стенного шкафа бутылку вина, стаканы, сухари и несколько яблок.

– А занавески что не повесил? – продолжала чинить допрос Фая. – Заклеил окна газетами... Говорят, так во время войны делали, чтобы стекла не вылетали.

– Ну хватит меня позорить, – попытался успокоить придиричивую гостью Рыжий. – Предлагаю выпить за то, чтобы у вас побыстрее появилась такая же комната и мы ходили бы друг к другу в гости! А занавески появятся, как только я женюсь.

– Так что тянешь? – вставил своё слово в разговор Егор. – В сорок лет пелёнки стирать будет сложно.

– Во-первых, этим у меня будет заниматься жена, или тёща, или, как у вас, бабушка. А вторых, мне ещё и тридцати нет, так что всё ещё впереди.

Отпив вина, Фая со стаканом в руке продолжила осмотр комнаты, оставив мужчин у стола.

– А где клуб «Горняк»? Видно из окна?

– Видно. Ты открой его и посмотри направо, только надо побольше высунуться, там дом его немного закрывает, но угол всё же видно.

Пока женщина разбиралась с окном и пыталась разглядеть ДК, мужчины продолжали попить вино и разговаривать.

– Ты слышал, что на ваш участок с «Пионерки» перевёлся молодой механик, кажется, Сигарёв его фамилия?

– Слышал. Видел, как он ходил с документами и даже на участковом собрании уже выступал. А что ему там не работалось?

– Говорят, въедливый мужик, до всего докапывается, вот как твоя жена. Говорят, на «Пионерке» какую-то критику навёл на собрании, что-то надо улучшить, усилить, а главный механик той шахты мужик обидчивый оказался, вот он и направил его сюда, мол, пусть здесь критикует. А тут ещё скоро новая шахта вот-вот откроется, шахта «Чертинская-1», слышал?

– Это давно все знают.

– Он ещё только вышел на работу, а ему уже комнату выделили в том доме, что мешает мне «Горняк» рассматривать из окна. Точно такая же комната, как моя, но только на первом этаже. Он уже ремонт там делает.

– Ну а мне до его комнаты? – усмехнулся Егор.

– Дурила, если его сдать «дяде», то комната останется свободной, а тут и твоё заявление... Ты, кстати, подал его в шахтком?

– Подал, – тяжело вздохнул Егор, – да что толку. Председатель сказал, что свободного жилья нет и до конца года не будет, разве что барак в новом посёлке, что ещё дальше за Чертой.

– Барак?! Больно надо! В бараке мы уже жили, – подала голос Фая, раскачиваясь на

железной койке, застеленной тощим матрацем и серым суконным одеялом.

– Во, слышал? – Егор указал рукой со стаканом в сторону жены. – В бараке мы уже жили!

– Да ладно ты повторять, как попка. – Рыжов повернулся к Фаине спиной и, понизив голос, продолжал: – Сдадим его «дяде», а комната тебе отойдёт.

– Ага, там таких желающих знаешь сколько?

– Но твоё-то заявление самое последнее, отец-то у тебя фронтовик, да, а про второго ребёнка не забыл указать? Ну вот и порядок. Я знаю, где раздевалка механиков, у него шкафчик самый крайний к выходу. Заглянем туда, когда вторая смена спустится в шахту, а там останется одна банщица. Ты пока около неё покрутишься, спросишь о чём-нибудь, а я ему подарочек поднесу. Она обычно в другом конце раздевалки сидит, у окна, за столом, когда мужиков нет.

– Так шкаф закрывается на ключ?

– Какой там ключ?! Простой крючок буквой «г», – и он показал согнутый указательный палец. – Такой ключ я из любой проволоки сделаю. В общем, это не твоя забота... Но ты ещё должен написать... м-м... письмецо для «дяди»...

– Какое ещё письмо?

– Вот видишь, уже забыл, как писал? А всё потому, что «внутренняя политика в СССР изменилась в лучшую сторону...» и «дядя» перестал нас беспокоить зазря, но хорошему сигналу он всегда рад.

– А какой я ему сигнал дам? – Егор смотрел на друга настороженно.

– Мальчики, что-то вы долго шепчетесь, а у дамы вино кончилось, и никто не догадается ещё предложить.

– Один момент, мадам! – Юрка подхватил бутылку и вылил остатки вина. – Пейте, мадам! Для вас ничего не жалко! Ежели устали, то можете подремать на моей безгрешной холостяцкой кровати, зато у нас с тобой, Егор, есть ещё одна бутылка.

– Вот баламут! – с одобрительной улыбкой приняла ухаживания Рыжова Фаина.

– Ну вот, – продолжил хозяин комнаты, возвращаясь к Егору. – О чём? О чём? – Рыжов поморщился, придумывая, какую бы каверзу написать на нового механика, но ничего путевого в его голову не пришло. – А что он на собрании у вас говорил? Вспоминай!

– Ну говорил, что жизнь налаживается, что добыча угля растёт, что нам надо лучше рабо-

тать, повышать это, как его... ну, чтобы рабочие грамотные были, а всех военнопленных пора отправлять по домам, что, мол, мы своими руками должны строить свою страну...

– Ладно, хватит! – остановил Рыжов Егора. – Напишешь, что Сигарёв пожалел военнопленных и предложил отправить их по домам, а русских заставлять работать больше, и это слышали все рабочие участка ВШТ. Только не забудь писать печатными буквами и мне передать до конца этой недели, а я уж потом передам «дяде», только смотри ничего не напутай!

– Юр, только это... – Егор был заметно смущён, но всё-таки выдавил из себя: – Ты только не говори Петру Петровичу, что это письмо написал я.

– А что так? Стесняться стал? Да и не Пётр Петрович сейчас «дядя», а Иван Иванович. Ты что, забздел, что ли?

– Да нет, Юр, хочу, чтобы он забыл про меня... У меня же семья, ребёнок ещё, может быть, появится...

С усмешкой глядел на друга Рыжов, потом брови его нахмурились, словно он вспомнил что-то важное и далёкое, и он согласился:

– Уговорил, но это как другу!..

С лёгкой и опытной в таких делах руки Юрия Рыжова и благодаря исполнительности Егора всё задуманное друзьями было сделано, и механик Сигарёв к концу следующей недели был арестован, а в конце лета 1952 года Егор и Фая получили ордер на квартиру на улице Клубной.

ГЛАВА 5

Все Кузнецовы бурно радовались новой квартире молодых, но когда первый восторг прошёл и стали рассуждать трезво, без эмоций, то оказалось, что разъезд семьи несёт свои сложности. Витюшка, которому в мае исполнилось семь лет, готовился идти в школу, и дед Никита уже купил ему форму первоклассника, а дед Фёдор – букварь. Школа в Посёлке 2/3 была недалеко от их дома, и прабабушка была готова водить в неё ребенка, а в школе на Клубной занятия начинались в восемь часов утра, когда Фая и Егор уже должны быть на работе. Когда Егор работал во вторую смену, проблема решалась, но через неделю ему надо было выходить в первую смену. Кроме того, учебный день первоклассника короток, и в двенадцать часов надо его забирать. Фаину могли, конечно, перевести на неполный рабочий день по уходу за ребён-

ком, но при этом она теряла бы в зарплате, чего она не хотела. Они с Егором давно строили планы, как будут жить самостоятельно и всю зарплату тратить только на себя. Взять с собой на Клубную бабушку, но... где же тогда их желанная свобода? Если на Пожарского они вшестером ютились в двухкомнатной избушке, то сейчас в одной комнате их будет четверо, да и двух мужчин, один из которых серьёзно болен, тоже было страшно оставлять. Вряд ли они, значительную часть времени отдавая работе, смогли бы кашеварить, обстирывать себя и ещё содержать огород. Фаина надула губки, как только зашёл разговор о переезде Алёны Ивановны на Клубную. Спорили, повышали голос, доказывая свою правоту, до слёз доходило, но всех примирила Алёна Ивановна: пусть Витюшка поживёт у них, пока её не оставили силы, а когда подрастёт, то папа с мамой заберут его к себе.

Ещё одна проблема встала перед молодыми. Квартира была в ужасном состоянии и требовала хорошего ремонта. Прежний её хозяин только начал его, намереваясь перестелить пол, всё побелить, освежить краску. Теперь эта задача стояла перед Фаиной и Егором. Впрочем, перестелить пол Егору помогли отец и дядя, на что ушло у них почти полмесяца, потому как работать им приходилось по вечерам. Покраска и побелка легли на плечи молодых. Когда Егор работал в первую смену, они с Фаиной после смены спешили в квартиру и занимались ремонтом, а уже затемно спешили в домик на Пожарской. На отдых времени практически не оставалось, ведь утром снова ждала работа. Кроме того, гулять по тёмным улицам посёлка было небезопасно. Не раз и не два его жителей, впрочем, как и жителей Белово, пугали неведомо кем распускаемые слухи: завтра, пятого числа, с восьми до двенадцати вечера будут резать всех, кто в красном пальто. Или: кто появится на улице после десяти часов вечера в меховой шапке – потеряет шапку вместе с головой. Подобные слухи, принятые поначалу за чьи-то глупые шутки, вскоре подтвердились: женщину в красном пальто порезали, мужчину избили и забрали каракулеву шапку. Замер посёлок с леденящим холодком в груди и стал думать о своей безопасности. Милиция с ног сбивалась, да разве может десяток милиционеров справиться с такой напастью в посёлке, как и во всём городе, где каждый третий житель либо спецпоселенец, либо уголовник, уже отбывший срок, а теперь оставшийся здесь на постоянное проживание. Встре-

чать Фаину и Егора в тёмное время суток Фёдор и Никита тоже не могли. Один – по причине своего здоровья, другой – по той причине, что работал на шахте по сменам. Решили так проблему: в выходной день купили на базаре металлическую двуспальную кровать, матрац да комплект постельного белья и принесли в комнату на Клубной. «Заработаетесь – ночуйте здесь, чтобы не подвергать себя опасности на тёмных улицах». Постепенно там появились стол, стулья, шкаф с посудой. Ремонт и обживание квартиры растянулись до середины осени. В те же дни, когда Егор шёл во вторую смену, Фаина одна работала в квартире, а порой и оставалась там ночевать, Егор же, когда его смена заканчивалась полночь, шёл спать в дом к отцу.

В один из таких дней, когда в квартире была одна Фая, в гости заглянул Юрка Рыжов. Посидел, побалагурил, узнал, как Егор с Фаиной занимаются ремонтом, а на следующий день уже пришёл с бутылкой вина и лёгкой закуской. Его настойчивость и умение обхаживать женщин возымели действие. Сначала Фаина разделила трапезу за столом, а потом и кровать. Нагловатый шутник Рыжов давно ей нравился, устоять она не смогла.

57 Так завязался тайный роман, и скрывать его любовникам какое-то время удавалось. В те нечастые ночные встречи Фаина не раз успела пожалиться Юрке на мужа: и скучно с ним, и не такой он умелый с женщиной, но главное, что раздражало её, за Егором стояла стена его родственников. В своё время она легко оставила в глухой деревне смертельно больную мать на попечение чужих людей, теперь же не менее чужие норовят войти в её личную жизнь, чего она никак не желала. Только материнская тяга к сыну заставляла её жить с Егором и два-три раза в неделю появляться в доме на Пожарской.

Охладели отношения Фаины не только со старшими Кузнецовыми, но и с Егором. А первой это заметила и забила тревогу Алёна Ивановна...

В один из тех дней, когда Фёдор и Егор работали во вторую смену, а Фая осталась ночевать на Клубной, Алёна Ивановна, уложив Витюшку спать, позвала Никиту на кухню, усадила за стол и начала разговор издалека.

– Что думаешь про то, как живёт твой сын? Всё ли ладно у него?

Мужчина неопределённо пожал плечами и ждал продолжения разговора.

– А ведь Фая и Егор теперь видятся через день-два и друг другу перестали улыбаться.

– Наверное, у всех бывает такой период...

– Бывает, бывает, – покачала головой женщина, соглашаясь, а память, похоже, воскресила моменты из её собственной жизни с Горде-ем. – Ты же совсем не спрашиваешь меня, как мы тут жили, как сын твой из сопляка превращался в мужчину. Я старая баба... бабушка и мне не все понятно в жизни Егора. Вот получили они квартиру с Фаей, а знаешь, сколько рабочих желали бы жить в ней? Опять же, прослышала я, что тот инженер, кому она была задана, почему-то попал в тюрьму, а на Егорку теперь косятся завистники, зла ему желают.

– Почём ты знаешь, что завидуют?

– Уши у меня есть потому что, а доброхотов вокруг – пруд пруди! Пока ты там, на войне да в лагерях, судьбу свою мыкал, мы тут бок о бок с Егоркой жили, а этот бес рыжий, Юрка Рыжов, так всё пытался сбить его с панталыку, а тут ещё Фая... Смотрела я за ним, да где мне одной управиться... Пока вдвоём мы тут, расскажу тебе я всё про твоего сына, а уж ты сам решай, как его от большой беды уберечь...

И поведала мудрая женщина все свои наблюдения и думки, что мучили её долгие годы, обо всех делах Егора, которые всегда настораживали её, а то и просто пугали. Слушал Никита свою мать и всё больше становился грустным и мрачным.

– Как бы до беды большой не дошёл малец, подумай да поговори с ним по-отцовски наедине: мужик мужика быстрее поймёт, а сейчас ложись спать, а я встречу работяг, они вот-вот уже придут...

В конце сентября, ухватив последние солнечные деньки бабьего лета, отец и сын докапывали картошку в огороде. Фёдор работал во вторую смену, Фаина была на Клубной, Алёна Ивановна занималась правнуком. Когда последние клубни были собраны в кули, они ссыпали урожай в погреб, а потом Никита предложил покурить на свежем воздухе, предварительно убедившись, что их разговор никем не будет услышан.

– Как вы с Фаиной живёте? Считаешь, что по-людски?

– А почему нет? – сразу насупил Егор.

– А почему бы ей не помочь убрать вот эту картошку, ведь знает, что мне в наклон работать трудно?

– Она сейчас квартиру в порядок приводит, занавески гладит, всё остальное... Опять же, день работает...

– Она что, откатчицей работает или выборщицей породы на погрузке? В шахту ходит каждый день? Этих баб я вижу порой, когда бываю на шахте, – чумазые, усталые, видно, что работают!.. Весь день в тепле с бумажками. Конечно, работа такая, но ведь не гнёт хрип! Она ведь и сына не каждый день видит! Ты заметил, что при живой матери ребёнок бабушку, в смысле прабабушку, называет мамой? Это нормально, по-твоему?

– Ну когда заберём к себе – привыкнет к матери...

– Сынок, ты разве не видишь, что она сторонится нас всех и тебя тоже?! Так она тебя скоро к себе подпускать не будет...

Услышав это, Егор вскинулся всем телом, но резко обмяк и потупил глаза в землю.

– Что, уже не подпускает? – продолжал допрос Никита. – Почему?

Егор как-то неуверенно пожал плечами:

– Говорит, что сильно устаёт...

– Правда, что она три раза была замужем до тебя и потом у неё были какие-то кавалеры?

Егор ещё больше склонил голову, стараясь не смотреть на отца, и молчал.

– Дружку своему, Рыжову, ты сильно веришь? За что ему, холостяку, вдруг выделили отдельную комнату? А тебе не по ошибке дали такую же квартиру? Что за мясо ты приносил домой с работы или ещё откуда-то? Почему сейчас тебе его не дают?

Последние слова вогнули парня в ступор. Он закрыл лицо руками:

– Отец, я не могу тебе сказать обо всём, это не моя тайна. Плохо, очень плохо может быть всем, а я этого не хочу!

– Я понял, сын, о какой тайне ты молчишь. У меня тоже могла быть такая тайна, но я сбежал на фронт. Да-да, именно сбежал, а тому дяде, кто меня агитировал на такую «тайну», я сказал: «Иудин хлеб жрать не буду!».

Никита заметил, как мелко задрожали плечи сына и раздались сдержанные всхлипы. Он подошёл к парню, обнял его и попытался успокоить:

– Егор, что сделано, уже не вернёшь, но постарайся больше не делать ничего такого... Ну ты понимаешь, чего тебе нельзя больше делать! Если и сейчас тебя к этому будут принуждать, ты слушай и молчи, не спорь, а мне всё расскажешь. Может быть, тебе придётся уехать отсюда

и начать жизнь сызнова, но по-другому! Пока ничего мне не говори, но прекрати знакомство с Рыжовым, верни Фаину. Поживите у нас тут, помиритесь...

– Она не хочет сюда, – сдавленным голосом ответил Егор.

– Значит, найди мужиков, что живут в Черте, и после второй смены ходите кучкой, ни один бандит на группу мужиков не замахнётся, но тебе надо быть рядом с женой, а после Нового года подумаем, чтобы Витюшку к вам отправить. Чтобы сохранить семью, надо в ней жить! Но главное, не делай ничего дурного, а то и так до конца дней не отмолишь свои грехи. Обдумай всё, спрашивай меня, я же твой отец! Не слушай этого Рыжова!

Из-за угла дома показались Алёна Ивановна и Витюшка.

– А мы идём вам помогать, – нараспев проговорила женщина, пылливо глядя на сына, а когда тот молча кивнул, она поняла, что трудный разговор состоялся. – А мы, оказывается, опоздали, видишь, Витюшка, папа и дед уже выкопали всю картошку и даже спустили в погреб. Сейчас они умоются, и мы пойдём с тобой их кормить жареной картошкой с молоком...

Егор легко нашёл на других участках несколько человек, что жили в Чертинском посёлке и каждый раз после второй смены группой шли домой. Узнав причину интереса, шахтёры, они были близкого ему возраста, радушно приняли в свою компанию, но посоветовали найти где-нибудь полуметровый кусок арматуры: от чертей отмахиваться, если начнут приставать. О том, что после работы он намерен ночевать на Клубной, а не в бабушкином доме, Егор не сказал никому. Непонятное чувство подсказывало ему, что к жене надо прийти неожиданно... Чуть больше получаса заняла ночная дорога. Простившись с попутчиками, он осторожно подошёл к тёмному окну своей комнаты. Прислушался, но ничего не услышал, постучал по стеклу. После повторного стука занавеска чуть дрогнула, и он увидел испуганное лицо жены:

– Ты?! Уже второй час ночи! – послышался ее приглушённый голос.

– Я спать хочу – открывай!

Даже убедившись, что к ней пришёл родной муж, она ещё какое-то время рассматривала его, что-то растерянно говорила.

– Ты меняпустишь, Фая?

– Что ты, конечно! Ступай к двери...

Оглядевшись по сторонам, он вошёл в подъезд и постучал в дверь. Он слышал, как долго открывала засов жена, и удивился этому.

– Заходи! – выдохнула она и чмокнула его в щёку. В комнате было темно.

– А что свет не включишь?

Он нащупал выключатель и щёлкнул им. Первое, что он увидел, – приоткрытое окно. Поверх головы жены он быстрым взглядом окинул комнату, где не был два дня: прибрано, чисто. Но уже в следующее мгновение Фаина просто затормошила его: «Раздевайся, умывайся, проходи, чаю согрею...».

– Фая, а ведь окно было закрыто, и вдруг?!

– Душно в комнате, вот я и открыла его...

– У нас первый этаж, надо быть осторожнее, а то какой-нибудь гость залезет незванный...

Фаина, коротко хохотнув, продолжала заботливо ухаживать за ним и щебетала без умолку, отчего Егор, согревшийся в тёплой комнате и от горячего чая, потянулся на кровать. Жена поспешила выключить свет, и у них впервые за последние месяцы повторилась первая брачная ночь... С этого дня Егор всегда возвращался в свою квартиру на Клубной, своих же родных, а главное, своего сынишку-первоклашку они навещали теперь только по выходным дням. Первого сентября в школу с Витюшкой отправились мать и прабабушка...

Обезлюдил, казалось бы, дом Кузнецовых. Фёдор с Никитой день-деньской на работе, причём Фёдор теперь работал только в первую смену; Витюшка до обеда был в школе, пока Алёна Ивановна не забирала его, и только в воскресенье их дом оживлялся, когда собирались все вместе, а Егор с Фаиной уже были на правах гостей. Шумно, весело проходили эти встречи, тут и по рюмочке пили за встречу, а всё же опытный глаз Алёны Ивановны отмечал какой-то холодок в отношениях молодых. «Может, кажется, – пыталась разуверить она себя и успокоить, – а может, на работе у них что-то не заладилось...»

А между тем зима понемногу отвоёвывала права у затянувшейся осени – рано выпал снег, а по ночам уже совсем по-зимнему потрескивал мороз.

– Надо бы вам, сыночки мои, перебираться в избу, холодно по ночам уже...

– Пока терпимо, мама, – отозвался Фёдор, допивая свой чай. – Ты не зябнешь, Никита? – с усмешкой спросил он брата.

– Замерзну, так сбегу в дом, а пока не зябну, – отозвался Никита.

– Уголь только понапрасну жгёте, а дома места вон сколько: один – на кровать молодых, другой – на сундук, а коли после новогодних каникул Егор Витюшку заберёт, то совсем пусто станет...

– Как бы он сам ещё сюда не вернулся, – недовольно буркнул Никита, но заметив недоуменные взгляды брата и матери, сменил тему: – Конечно, переберёмся, мама, что там сопли морозить...

Не ошиблась Алёна Ивановна, не подвёл её зоркий и мудрый глаз. Хоть и жили теперь молодые вместе, но прежней душевности в отношениях не было, а всё потому, что роман Фаины с Рыжим продолжался, правда, теперь уже с особой осторожностью. Встречались они только на его квартире и только вечером, когда Егор ещё был в шахте и раньше положенного срока никак подняться на-гора не мог. Это знал и Рыжов, знала и Фаина. Они определили для себя удобное и надёжное время: с восьми до десяти часов вечера. За те три-четыре часа после возвращения с работы она успевала пройтись по магазинам, отдохнуть и привести себя в порядок перед свиданием с коварным, но любвеобильным кавалером, а уже в одиннадцатом часу она была в своей квартире и ждала мужа с подогретым ужином, правда, новых «брачных ночей», какой она одарила Егора, когда Рыжий чуть не попался, уже не было. Впрочем, и с любовником её встречи стали менее пылкими и продолжительными – теперь им хватало этих двух часов, и Рыжий успевал в этот небольшой промежуток времени выдать своей подруге всю свою силу и любовь. А в минуты отдыха они обсуждали многие важные для них вопросы. Так, в первых числах декабря Фаина заявила, что она беременна, и беременна именно от него, от Юрки Рыжова. Тот стушевался сначала, но потом смиренно согласился признать своего ребёнка, заявив при этом, что он у них будет один.

– А как же Витюшка? – вскинулась женщина.

– Ну, в крайнем случае, в первое время, – поспешил он сгладить свою категоричность, – нам же надо сначала самим устроиться, хотя бы до года воспитать нашего ребёнка, а потом можно будет забрать и Витюшку. Вот только отдаст ли его нам Егор со всей роднёй?!

– Я уверена, что они его мне не отдадут! Точно не отдадут, он как-то мимоходом сказал мне об этом: «Если будем расходиться, Витюшка будет мой!».

Вслушав её, Рыжов помолчал какое-то время, потом заявил уверенно и с угрозой в голосе:

– Ну здесь мы что-нибудь придумаем, слово даю! Он согласится, на всё согласится...

Тут же он сказал, что ещё летом получил письмо от тётки из Анжеро-Судженска, где она живёт в своём доме. Похоронив мужа и единственного сына, она жила в одиночестве, сильно болела и звала к себе племянника. А ещё Фаина вдруг вспомнила, что после новогодних каникул Егор хочет забрать Витюшку сюда, на Клубную улицу, что он уже договорился о переводе ребёнка в новую школу, которая находится по другой стороне их улицы.

Это известие призывало заговорщиков действовать быстро и решительно, и поэтому Рыжов объявил, что им нужно уезжать из Белова, а сейчас необходимо срочно подать заявление об увольнении с шахты, причём Фаина в своём отделе должна сказать как бы между прочим, что она увольняется для того, чтобы заняться воспитанием ребёнка. Заботу о билетах на поезд он взял на себя.

– В общем, Фаина Георгиевна, второго января мы с тобой должны уехать отсюда. Осторожненько заранее соберёшь свои вещи, самые нужные, и оставишь их у меня дома; выпишишь с этого адреса. Если кто-то будет в паспортном столе спрашивать, зачем, скажешь, что пропишешься в доме на Пожарской улице, вместе с сыном... Куда мы поедем – никому!

Слушала Фаина своего поллюбовника и дивилась, как он быстро и точно определяет, что нужно сделать.

– Ну ты голова, Юрка!

– Теперь мы две головы будем. А Егор? Я ему немного помогу, и, думаю, он не обидится...

Нелегко дались молодой женщине предпраздничные дни и сам Новый год, который они справляли в доме Алёны Ивановны. Накануне были горячие разговоры о том, как провести праздник, какие купить угощения и подарки. Всё было в новогоднюю ночь у Кузнецовых: ёлка с игрушками, богатый стол с шампанским и подарком для Витюшки, конём-качалкой, которого он уже давно просил у матери. А утром второго января от Кузнецовых Фаина пошла на шахту (Егора и Фёдора дома уже не было, поскольку их

смена начиналась раньше, чем в техотделе). По-здравив сотрудников отдела с Новым годом, Фаина похвалилась, как они встречали праздник, после чего отправилась напрямиком на Клубную, к Рыжову.

Наняв извозчика, он посадил Фаину в сани, погрузил её и свои вещи и наказал ждать его на вокзале.

– Я следом приеду, только Егору подарок оставляю, как обещал...

В комбинате было пустынно. Первая смена была уже в шахте, а дневная ещё отдыхала дома после праздника, и лишь начальники участков после наряда находились в своих кабинетах, а неутомимые технички завершали уборку в раскомандировках. Около участка ВШТ в дверях Рыжов столкнулся со старенькой техничкой тётей Феней.

– Ты куда? – остановила она его. – Там ещё мокро! Вот воду замену и буду протирать, а ты мне не следи по мокрому полу!

– Тётя Феня, я на минутку к Виктору Ивановичу – и назад.

– Ну смотри не свинячь мне тут! – строго заключила она.

Он слышал, что в кабинете начальника раздавались мужские голоса, один из которых принадлежал бригадиру Терешкину. Рыжов знал, где всегда сидел в раскомандировке бригадир, – на краю стола, у окна. Бесшумно он прошёл к столу, кинул скомканный клочок бумаги на диван и поспешно покинул здание комбината.

Через несколько минут техничка вернулась со свежей водой, не обнаружив незнакомца, она критическим взглядом окинула комнату: вроде чисто, не насвинячил паренёк, но заметила на диване клочок скомканной бумаги, взяла его и попыталась рассмотреть своими близорукими глазами.

В это время из кабинета начальника участка вышел Терешкин:

– Привет, тётя Феня! Что изучаешь?

– Да вот, письмо како-то или что, но с печатью, в твоём углу лежало на диване, глянь-ко...

Бригадир взял бумагу, развернул и засмеялся:

– То не печать, тётя Феня, а клякса...

– Я без очков-то плохо вижу, но чтой-то там прописано, погляди, может, путнее что...

– Ладно, потом посмотрю, а шас некогда...

С тем он положил мятый бумажный комочек в карман пиджака, а вспомнил о нём только неделю спустя, когда жена взялась стирать его рабочий пиджак. Как всегда, она проверила карма-

ны – не дай бог застирать какой документ или деньги! Так случилось однажды, когда простирнула она мужнюю значку, после чего он её поедом ел целый месяц. Уже забывший про тёту Феню и её бумажку, Терешкин с любопытством развернул листок, который оказался разорванным пополам. Сложив его, он прочитал: «Егор К. 1. Дима на подхвате. 2. Зек из барака. 3. Кешка и Петро». Что бы это значило? Всё оставшееся время до сна он раз за разом возвращался к этой записке, строя различные догадки. Уже засыпая, решил: «Лёньку Коробкова надо привлечь, он такой хитрый бес, сразу разберётся».

Лёнька Коробков, двадцатилетний паренёк, работал на участке электрослесарем первого разряда. Отработав положенный срок учеником, он неплохо усвоил свою профессию и теперь мог бы работать самостоятельно, но Терешкин, которому понравился этот весёлый исполнительный парень, держал его при себе для «особых поручений». Правда, шахтёры давали своё прозвище таким работничкам: Гонец, Лакей на побегушках, а то и вообще обзывали матерным словом (а за что уважать, если в шахту они ходят не каждый день, зарплату получают почти такую же, как и настоящие горняки. Неужто за то, что они пособачьи преданы своему начальству?). Этому-то Коробкову он и показал найденное письмо.

Тяжело дался Егору первый рабочий день нового года. Пить водку, как её пьют многие шахтёры, весело и легко, он так и не научился, а потому наутро всегда болел. Наскоро ополоснувшись под тёплыми струйками душа, он поспешил к жене в техотдел, куда теперь очень редко заглядывал. Отчитала его Фаина как-то по осени: «Ты придёшь, поговоришь с ними, а они потом сидят и тебя обсуждают и даже меня не стесняются».

– Здравствуйте, товарищи женщины! – громко с порога объявил он. – С Новым годом, с новым счастьем! А где же моя благоверная?... – бросил взгляд на стол в углу кабинета, где всегда сидела Фаина. Он пустовал, даже ручек и карандашей на нём не было.

– Вот это дела! – воскликнула одна из женщин, а остальные сдержанно захихикали. – Жена больше недели уже не работает, а муж и не знает! Егор, вы что, на разных планетах живёте?

Эти слова были встречены уже дружным смехом.

– Как так?

Он уже понял, что случилось какое-то невероятное событие, но свою растерянность от пытливых женских глаз скрыть не смог.

Тогда самая возрастная женщина в отделе подошла к нему, осторожно погладила по плечу и сделала знак остальным – смех затих.

– Двадцатого декабря она написала заявление об увольнении в связи с желанием заняться всерьёз воспитанием ребёнка. Он же у вас перwokлашка?

– Да-а...

– Она, наверное, не хотела тебя огорчать и сделала такой новогодний сюрприз. Вы что, никогда не обсуждали этот вопрос? Многие женщины увольняются с работы на какое-то время...

– Она хотела перейти на неполный рабочий день. Но уволиться?.. – Егор был озадачен полученным известием и поспешил распрощаться с разговорчивой компанией, опасаясь получить ещё массу задиристых и шутивых вопросов.

– Егор, она была у нас сегодня, – неслось ему вслед, – поздравила и ушла...

– М-да, Фаина Георгиевна, похоже, сюрприз у вас получился! – с раздражением думал он вслух, покидая здание комбината.

По дороге его догнал Марк Ратке:

– Нам по пути? Ты к бабушке?

Егор остановился как вкопанный: а куда идти? Где искать свою женушку, любительницу сюрпризов?

– Нет, Марк, я, пожалуй, пойду в свою квартиру, там Фаина должна быть...

– Ну тогда – до завтра! А я – напрямик к своей Любушке-голубушке!

Раздосадованный всем случившимся, Егор быстро одолел расстояние до своей квартиры и громко постучал в дверь. Никто ему не открыл, и вообще внутри не было слышно никакого движения. Он открыл ключом дверь, осторожно вошёл внутрь – вся обстановка оставалась в том же виде, как при их уходе тридцать первого декабря. Даже веник, что Егор уронил и не стал поднимать, так и лежал на прежнем месте. Подошёл к печи, прикоснулся к плите – холодная...

«Как же так мы не согласовали: она туда пошла, а я сюда подался? Вот балбес!» – ругнул он себя и сразу повеселел от такой догадки. Быстро закрыл дверь, а в коридоре встретился с Еленой Степановной, пожилой соседкой, что жила в квартире напротив.

– Что, Егор, растерялись с Фаиной после Нового-то года? Видать, хорошо вчера посидели, коли сейчас ищете друг друга...

– Ничего, Елена Степановна, найдёмся и никуда не денемся...

Когда он проходил мимо дома Рыжова, решил заглянуть к нему и поднялся на второй этаж. Прислушивался, стоя под дверью, а потом громко постучал.

– Зря стучишь, парень, – остановил его сосед Рыжова, Евсей Иванович, старый горняк, когда-то получивший увечье в шахте и теперь не расстающийся с тросточкой. – Ушла твоя Фаина часов, однако, в десять-одиннадцать... С сумкой большой была... Я в аккурат в это же время смолпил на площадке...

– Как с сумкой? Она одна была?

– Да нет, этот Юрка-обалдуй тоже поплёлся следом, тоже с сумкой...

– А куда они пошли, не сказывали?

– Нет, да и видел-то я их со спины, а меня-то они, мабуть, и вовсе не видели... Я ведь тихо хожу, не стучаю копытами, я же в пимах и дома хожу...

Егор непроизвольно глянул на его серые валенки, на лестницу, ведущую вниз:

– А когда это было, во сколько?

– Так я же говорю – часов в десять-одиннадцать... Сейчас уже четыре часа, вот и считай, сколько прошло... Может, посмотришь за компанию со мной? – предложил старик, раскрывая кисет с табаком.

Опрометью Егор бросился вниз. Смеркалось, и эта зимняя ранняя темнота как-то сразу остудила его порыв. Улица была пустынная, начинало пуржить, и лишь вдалеке он заметил людей, которые спешили укрыться в домах. На душе у него было тревожно, но где-то в самом уголке его сознания ещё теплилась шальная надежда: а вдруг Фаина решила устроить ещё один сюрприз и зачем-то потащила к бабушке Юрку Рыжова. Но тут же он отнёс это предположение: она знает, как Рыжова не любит бабушка, да и отец его не уважает, при редких встречах он был подчёркнуто холоден. Тогда что?..

За то время, что он был в дороге, пурга разыгралась не на шутку, и вместо тридцати-сорока минут он добирался до своих больше часа, а когда стучал в дверь, на улице было уже совсем темно.

– Ну наконец-то! Где вы блуждали? – озадачил его вопросом у порога Фёдор Гордеич. Обна-

ружив за дверь одного Егора, он не удержался и спросил: – А жена-то где?!

Молча Егор обошёл дядьку и, не раздеваясь, сел на сундук у стола. Лицо его было мрачно, глаза смотрели в пол. Отец и бабушка что-то говорили, но он не слышал их.

С разбегу к нему бросился Витюшка:

– Папа, а где наша мама?

– Наша мама?! – Он поднял глаза на обступивших его родственников, в груди его что-то предательски защемило, а на глазах выступили слёзы. – Похоже, нету больше у нас с тобой мамки!

– Ну-ну, сынок, ты что! – пытался успокоить его отец. – Может, к подружке заглянула, да загулялась, а по темноте идти страшно?..

– Нет, батя, сосед Рыжова сказал, что они с Юркой куда-то спешили ещё в десять часов утра, с сумками...

– Ну мало ли куда они пошли... Хотя при чём здесь этот говнюк?!

– А ты свою-то квартиру внимательно осмотрел? – спросил дядька. – Вещи-то все на месте?

– Да не смотрел я! – сквозь слёзы отвечал Егор. – Я ведь думал, что она сюда пошла, и мы просто разошлись... Это уж потом мне сосед Рыжова рассказал...

Все разом замолчали, и тишина воцарилась на долгое время.

– Ну время позднее, метель метёт, никуда никто не пойдёт и не поедет. Будем готовиться спать, – предложил Никита. – Ты дверь наружную закрыл? – спросил он брата. Тот молча кивнул. – Завтра я заеду в вашу квартиру, ты, Егор, только ключ оставь мне... Или лучше так сделаем: после работы приходите на Клубную вместе с Фёдором, а я, как хлеб развезу, прямо туда заеду. Всё осмотрим, поспрашаем соседей, может, что и прояснится, а пока никаких слёз. Любую беду надо достойно встречать, по-мужски! А мы ещё вовсе не знаем, беда это или недогадывание...

И только Алёна Ивановна сердито буркнула себе под нос, дабы не расстраивать внука:

– Сбежала, стерва! Ищи её теперь!

– Что, баб? – не расслышал её внук.

– Ничего, Егорка, это я по-стариковски ворчу, сейчас накормлю тебя и спать!..

На следующий день мужчины тщательно осмотрели комнату молодых, и обнаружилось, что все свои вещи Фаина забрала, исчезли большая брезентовая сумка, все деньги, что они хранили в верхнем ящике комода. И только в самый по-

следний момент Никита обнаружил на столе под скатёркой записку на тетрадном листке: «Егор, уезжаю. Жить с тобой не буду. Витюшку заберу потом. Меня не ищи».

К тому времени беглецы-полюбовники были уже далеко от Белово. Теперь у Фаи и Егора начиналась своя жизнь.

ГЛАВА 6

Долго мараковали над запиской в углу раскомандировки Терешкин и Коробков. Одно уяснили сразу, что «Егор К.» – это Кузнецов, второго такого на их участке не было. А вот что за люди были в ней названы?

– Лёнька, а где он раньше работал?

– Кажись, на «Пионерке», слышал как-то краем уха, но можно проверить...

– Вот ты осторожно уточни у Марка про «Пионерку», они с ним давно в одной упряжке работают, он наверняка знает... Ну, мол, хочу туда перейти, узнать, какие там порядки...

– Спросить-то можно, а дальше что?

– А дальше туда надо будет ехать и узнать, где он работал, с кем, кто эти люди.

– Ваня, в такую даль тащиться после работы, а ведь темнеет рано!

– Не после работы, а с утра, я тебе выхлопочу свободный день, а ты и поезжай, да не один, а возьми с собой своего одноклассника Мишку Чулкова, что дворником работает в комбинате, у него всё равно весь рабочий день – шатай-болтай... Только всё разузнай, а если спрашивать там будут, кто ты и зачем ищешь Кузнецова, скажешь, мол, письмо получил от его дальнего родственника, который просил найти его. Ну и про остальных что-нибудь подобное придумаешь, да не засветись, а то примут за «стукача» да ещё морду набьют!

– Ага, если догонят, – ощерился в улыбке Коробков.

– Надо будет – догонят, а чтобы не мотаться на перекладных, наймите возчика... за мой счёт, но смотри – без обмана! Я знаю таксу у возчиков!

– Я одно не пойму, Вань, тебе это надо? Ты деньги потратишь, а мы мотаться будет по холodu?

– Надо, Лёня, надо!

– Ты прямо как шпион!

– Не шпион, а чекист, энкавэдэшник...

– Ну ты же...

– Отвали! Не твоё дело! Есть у меня задумки, но пока я тебе о них не скажу, потом, может

57

быть... Я всегда хотел в НКВД работать, да отец подговнял!

– Как это?

– А так вот, сидел он у меня за драку, а меня из-за него и не взяли.

Из кабинета быстрым шагом вышел их начальник, Виктор Иванович. Увидев в пустой комнате своих работников, удивился:

– Вы чего, ребята? Хотите вторую смену отработать?..

– Нет, Иваныч, сейчас по домам пойдём, только вот ещё маленько пошепчемся, – ответил Терешкин.

– Ну-ну, шепчитесь себе на здоровье...

Когда дверь за начальником закрылась, бригада продолжил поучать своего подручного.

– Никому о записке не говори, даже этому обалдую Мишке! Поедете в начале февраля... В конце месяца у нас всегда запарка, вряд ли отгул получится, но в первую неделю февраля надо обязательно съездить: утром – туда, вечером – взад! Бутылка – с меня!

...На участке ВШТ шахты «Пионерка» они без труда узнали, что действительно в годы войны здесь работал паренёк по имени Егор Кузнецов, а пришёл он сюда из мехцеха.

– Где его искать? – заместитель начальника цеха усмехнулся, – сколько лет прошло, парень молодой, может, он уже на Магнитку уехал, а вообще-то он переводился на «Чертинскую 2/3», она тогда в аккурат открывалась...

В мехцехе Коробков зашёл сразу к начальнику, а дружка своего послал походить по территории мехцеха да узнать о Петре, Кешке и Диме на подхвате. Начальник цеха, пожилой мужчина с пытливыми серыми глазами, прежде чем ответить на вопросы Лёньки, сам начал его допрашивать, чем несколько обескуражил.

– А вы... как вас мне называть?

– Леонид я, Лёнька, значит, – поспешил с ответом парень.

– Ну Лёнькой вас будут называть дружки, а я уж Леонидом. Чем вас заинтересовал Егор Кузнецов?

– Да письмо пришло от его дальнего родственника... Они давно не виделись, вот и хочет разыскать его, а меня попросил...

– Да вроде все родственники при нём были: отец, бабушка...

– Нет, это по материнской линии родственник-то...

– А где мать-то сама?

– Дак там, наверное, вот и ищет свою кровиночку.

– Значит, ищет? А ты знаешь, что его мать убили и искать она никак не может! Ты кто такой, парень?! – голос мужчины посуровел, и он гневно смотрел на собеседника. – Ты что здесь ищешь?

– Да вот, хотел про Егора узнать... Не хотите говорить – так и скажите! Может, что-то знаете про Диму на подхвате?

– Что, что?! – Начальник даже привстал со стула, того и гляди, ухватит собеседника за уши да мордой об стол стукнет.

– А что? – дрогнул Коробков. – Был такой Дима?..

– А ты почём знаешь, что он был, и какое отношение он имеет к Егору? Я не знаю, кто ты, но чтобы через минуту тебя здесь не было! А если не понял, то сейчас скажу своим ребятам, они тебе шею намылят и выкинут из цеха. Пошёл вон отсюда!

Получив такой отпор, Коробков спешно ретировался, а встретив на территории цеха Мишку, потащил за собой.

– Ты чё, Лёнька? – удивился тот.

– Да, мужик шальной попался, драться сразу полез...

– А-а, такое бывает, а у меня всё нормально, – похвалился дружок. – Поспрашал тут мужичков про Диму на подхвате... В энергоцехе он был разнорабочим. Ничё делать не умел, но подворовывал, вот его и посадили на пять или шесть лет, но это было ещё во время войны...

– Вот как? Ну и слава богу, нам этого хватит, пошли отсюда!

...Барак около шахты было немного и потому они стали их обходить по порядку. Нашлись жильцы, что помнили Егора Кузнецова, кто-то вспомнил, как в военное время милиция арестовала беглого арестанта, который песни орал по ночам. Когда пришли в последний непроверенный барак, Коробков смело постучал в ближайшую дверь. Она открылась на мгновение, показав остроносую мордочку старушки, и тут же хлопнулась.

– Бабусь, да не бойся, – кричал Лёнька, – где у вас тут живут Петро и Кешка?

Дверь снова приоткрылась и старушка показала худым пальцем на дверь, где был прибит синий номерок «7».

– Тутока спрашивай!

Довольно улыбаясь, Коробков громко посту-
чал.

– Ну?! Чё надо? – перед парнями стоял пья-
ный небритый лысый человек и сердито вращал
глазами.

– Простите, вы Петро?

– Чё?!

– А-а, вы Кеша?

– Для кого – Кеша, а для кого – Иннокентий
Иваныч!

– Простите, Иннокентий Иваныч, вы в тюрь-
ме сидели?

– Что-о?! – возопил мужик, делая шаг навстре-
чу гостям. – Тебе что до моей судимости? Я сей-
час тебе башку оторву и ещё раз сяду, ну и что?!

Гости заметно стушевались и попятились.

– Ходят тут разные козлы! – мужик с грохо-
том захлопнул дверь.

На выходе из барака их догнала та самая
старушка и скороговоркой зашептала:

– Это он, тот самый Кешка, фулюган и аре-
стант! Их с Петькой-то ещё в войну заарестова-
ли и в тюрьму посадили. Тот-то сгинул там, а
этот вернулся и опять продолжат фулюганить.
Вы заберите его, жить страшно рядом с таким
обалдую!

– Ладно, бабуль, щас я дам команду, и за ним
приедут, не бойсь!..

Что ж, худо-бедно, но задачу свою посланцы
Терешкина выполнили, и на следующий день
Лёнька уже докладывал бригадиру.

Выслушав подробный рассказ о приключени-
ях на «Пионерке», Терешкин хохотнул и довольно
потянулся, весело поглядывая на Коробкова.

– Хочешь знать, что к чему?

– Хочу...

– Но если кому вякнешь – убью! А впрочем,
давай-ка зайдём к Иванычу: ему тоже надо
знать, что у него на участке творится.

Внимательно выслушав своего бригадира,
Киселёв усмехнулся:

– Ну и зачем тебе всё это? Ведь сколько лет
прошло! Он же теперь совсем взрослый мужик,
семейный...

– Да какой он семейный, если от него жена
сбежала с полюбовником?!

– Ты откуда это взял?

– Да все на шахте это знают! А интересно
мне потому, что и у нас арестовали мадьяра Ши-
мана, помнишь?

– Ну да, воздуховод он повредил, вот его и
арестовали.

– Я помню тот случай, но накануне этого мы
возвращались по тому венштреку, и Кузнецов
там задержался на какое-то время, видите ли,
пос...ть он захотел...

– Ну всякое бывает, приспичило человеку...

– А уже на следующий день там авария слу-
чилась и Шимана взяли.

– Ну и что?

– А механик Сигарёв? Только появился, квар-
тиру ему дали, начал там ремонт, а тут какая-то
падла написала на него донос и его арестовали,
но!..

– Что «но»?

– ...но квартиру эту дали почему-то Кузнецо-
ву, хотя там были другие желающие, и семья у
них побольше, чем у Егора!

– М-да, – задумчиво проговорил начальник, –
что-то сходится, а что-то ты явно додумываешь...
Что ты на него взъелся, нормальный вроде па-
рень?

– Хорошо, Иваныч, проверим, я за ним пона-
блюдаю, а для этого надо забрать у него Ратке, а
поставить Коробкова...

– Тебе-то зачем это надо? Дай сигнал куда
надо, там и разберутся.

– Ага, Иваныч, я дам сигнал, и они своего за-
берут, а мне спасибо скажут. Так, что ли?

– Ну, может быть, и скажут...

– Они же меня первого возьмут, а его пере-
ведут на чугунку или на цинковый завод, там им
тоже людишки такие нужны!

– Ну, Терешкин, всё-то ты знаешь, только в
МГБ не работаешь!

– А жалко! – с досадой проговорил бригадир.

– Радуйся, дурачок, ты бы там столько дров
наломал, что тебя самого бы уже взяли.

– Иваныч, не воспитывай меня, я уже боль-
шой, а помоги мне...

– Помогать следить тебе я не буду, Ратке пе-
реведём на должность старшего, а Коробкова
сам приставь к нему, но запомни: никакой само-
деятельности, обо всём докладывай мне сразу
же и не провоцируй парня!

Непросто складывались отношения у Егора и
Фаины в последнее перед её бегством время, по-
рой, словно в шутку, поминали они и о разводе,
но по прошествии небольшого времени всё воз-
вращалось на круги своя и семейная жизнь их
продолжалась. В такой ситуации, казалось бы,
подлое бегство супруги не должно было глубоко

ранить оставленного мужа, но всё получилось иначе. Егор был так потрясён, что, казалось, перестал замечать всю окружающую жизнь. Холодно ли, тепло ли, весело или грустно, а он был всё в одной поре. Не только домашние, но и на участке заметили, что парень совсем перестал улыбаться, а Киселёв, наблюдая в Егоре такие перемены, дал Терешкину такой наказ: «Оставь-ка парня в покое, ему и так несладко. В таком состоянии люди вешаются и стреляются, а тут ещё ты!» Бригадир, выслушав начальника, согласно кивнул, но свою затею не оставил, и Лёнька Коробков, им наученный, продолжал плести козни вокруг Егора Кузнецова. То с наигранной весёлостью предложит аванс обмыть в его пустующей квартире («а чё она зазря стоит пустая? Хоть мужики вместе с тобой повеселятся!»), то ради праздного любопытства спросит, сильно ли скучает сын Егора по матери; то заведёт разговор о девчонках, выпускницах ФЗО, что прибыли на шахту для прохождения производственной практики («а чё, закадрил бы какую, глядишь, полегало бы. Не зря же говорят, что клин клином вышибают. Это как в пьянке»). Смотрел Егор на него как на больного и молчал. Марк Ратке, оказавшийся свидетелем одного такого разговора, отвёл Коробкова в сторону и строго предупредил, чтобы тот отстал от Егора. Притих на время напарник Егора, пожаловался на Ратке Терешкину, а тот свой вывод сделал: «Эти козлы, похоже, из одного огорода. Сколько лет они работали вместе, спелись уже. Один – фашист, другой – стукач». И потребовал, чтобы Лёнька не оставлял Кузнецова в покое: «Где-нибудь да всё равно сорвётся, а тут мы его и прищучим!»

В первых числах февраля, уже после того, как бригадир со своими приспешниками провёл проверку на шахте «Пионерка», из милиции сообщили в партком шахты «Чертинская 2/3», а оттуда эта весть прямоком дошла и до их участка: бывший работник участка Шиман, арестованный за вредительство, повесился в лагере!

– М-да, ребята, такая вот грустная и некрасивая история получается, – сказал после наряда начальник Киселёв. – Не выдержал он тягот тюрьмы, но так и не признался, что это он повредил воздуховод...

Как вскинулся Терешкин, улышав эту новость, и как низко склонил голову Егор. Мало того, бригадир ещё кивнул головой начальнику в сторону Кузнецова: смотри, мол, видишь, на воре и шапка горит! Чуть больше недели прошло, а следом

другая новость: механик Сигарёв, уже отбывавший срок по приговору суда в лесном лагере под Таштаголом, нашёл хорошего адвоката, который обжаловал приговор в вышестоящий суд, а потому по делу начались дополнительные проверки, в связи с чем арестанта Сигарёва доставили в Белово. На это известие Егор среагировал своеобразно – он пришёл в шахтный комитет и положил на стол ключи от квартиры на Клубной, заявив, что он там не живёт и жить не будет, а вещи готов либо продать новому хозяину, либо вывезти по первому требованию.

Его поступок дал Терешкину новый стимул для подозрений, и теперь он уже во весь голос требовал от начальника сообщить в милицию, чтобы те арестовали Кузнецова. «Иначе, – уже в открытую угрожал он, – мужики его «отправят в завал», как это случалось в тридцатые годы на некоторых шахтах». Зная горячий и решительный нрав Терешкина, Киселёв стал склоняться, что лучше пусть посадят Егора в тюрьму на несколько лет, если найдут для этого основания, чем он погибнет при трагической случайности в шахте. А такие «случайности» поджидают горняка на любом уклоне, в любом забое. Продолжая терзаться сомнениями, однажды он поехал в городскую милицию. Внимательно выслушал его работник госбезопасности и заверил, что в первых числах марта они непременно будут на шахте для решения этого вопроса, и просил немедленно звонить, если ситуация выйдет из-под контроля, но самому ничего не предпринимать...

Чувствовал ли Егор, что отношение к нему на участке резко изменилось, атмосфера недоверия и озлобленности вокруг него всё более сгустилась, мешая ему жить, работать, наконец просто улыбаться белому свету, людям? Конечно, он это чувствовал, но душа его после коварного бегства жены, казалось, онемела, а глаза словно повернулись вовнутрь и с каким-то беспощадным тщанием искали в ней, в душе, ответа только на единственный вопрос: «Тебе сделали больно, тебя жестоко обидели, но не стала ли эта обида, эта боль ответом на то, что всё это время делал ты для других?» Егор уже знал, что зек из барака, преданный им милиционерам, был осуждён за побег, но по пути в лагерь снова пытался бежать и был застрелен охраной. Дима на подхвате, осуждённый сначала за простую кражу, позднее был дополнительно привлечён за подготовку теракта на шахте, для чего, мол, он и воровал керо-

син, чтобы устроить пожар, и был приговорён к расстрелу. Не знал, что его обидчик Петро погиб в лагере, и хоть эта весть не угнетала его сейчас, но Шиман-то повесился, а значит, и эта оборванная жизнь теперь тяжёлым грузом легла на его измученную душу.

Те странные и страшные перемены, что произошли с ним в последнее время, не давали покоя, словно стена встала между ним, Егором, и теми людьми, что его окружали. Такая же анемия в отношениях произошла у Егора и с близкими людьми. Дома он тоже всё больше молчал, погружённый в себя, либо отделывался односложными ответами, чем ввергал своих родных в глубокую печаль. Только в редкие минуты общения с сыном Егор, прижав его к себе, находил какие-то добрые и тёплые слова, но даже они не смогли пробить брешь в той стене, что он создал для себя, и вернуть его в нормальную жизнь.

В один из выходных дней, когда Витюшка играл с соседскими ребятишками на улице, все Кузнецовы подступились к Егору, стараясь разговорами и советами вывести его из этого состояния.

– Егор, ты почему так отстранился от нас? – напрямую спросил отец. – Человек не может жить один, ты должен быть с людьми, ты должен быть с нами, ты должен, наконец, жить!

– А они, кого я предал, будут жить? Тот же Дима на подхвате, Ласло Шиман? Если бы не я, они, наверное, жили бы сейчас, смеялись и радовались жизни.

– Господи, значит, это правда? Я боялась, что тебя втянут в душегубство, разговаривала с тобой, ведь некому было больше говорить, потому как отец был на фронте. И оно так случилось?

– Да, бабуль, да! Ты помнишь того зека из барака, его арестовали, когда мы шли на работу? Его ведь потом убили... Были и другие, а я приносил домой куски мяса, поношенные башмаки и радовался жизни. Я, как себе, верил Фаине, а она захотела любой ценой получить квартиру, как у Рыжего, а для этого надо было донести на того механика, что перевёлся к нам с «Пионерки». Рыжий научил, как это сделать, и мы получили эту квартиру. Если бы она не попросила меня об этом, я бы, наверное, никогда не пошёл на это. Хотя... это было совсем недавно, а до этого были десять лет подлости и позора. Ты помнишь, бабуля, сказку, что ты мне рассказала о человеке, у которого длинная тень? У меня она сейчас длинная, очень длинная, она не даёт мне жить, не да-

ёт мне дышать. Мне кажется, что все знают о моих грехах и тычут в меня пальцем: кто в лицо, кто в спину, а так жить я не могу. Через эту тень свою я даже на Фаину не могу обижаться, ведь она только обманула меня, а я сделал больше и хуже, я отнял жизни у тех людей.

– Сынок, эти люди разные: бандит, хулиган, вор... – вставил Никита.

– А Шиман, а Сигарёв? Нет, отец, ты, похоже, меришь нас: у кого тень длиннее, у меня или у них? А тут надо иначе: кто сделал кому больнее, тот и виноватее. А ведь механика Сигарёва тоже могли под расстрел подвести или он умер бы в лагере, зато я жил в хорошей квартире... Правда, недолго жил.

– Егор, может быть, тебе уехать отсюда куда подальше? – подал голос Фёдор Гордеич. – Ты человек свободный, в любой момент можешь рассчитаться и уехать, а там, вдали, всё забудется, да и искать тебя наверняка никто не будет, разве что этот одержимый Терешкин! Витюшку мы сообщца воспитаем...

– Дядя, а сам-то я как буду жить с этим грузом? Что я скажу сейчас, а главное, потом своему сыну?

Долгая тишина воцарилась в избе. Никто из старших Кузнецовых не ожидал от Егора таких слов, такого суда, который он устроил над собой.

Алёна Ивановна не удержалась и заплакала, приговаривая:

– Егорка, как ты сейчас похож на Гордея, на Фёдора, на всех Кузнецовых! Господи, да разве можно так себя казнить-то?!

– Бабушка, лучше самому себя казнить, чем это сделают другие. Я понимаю, что вы хотите мне добра, болеете за меня, но за свои дела я должен отвечать сам. Что мне делать? Пока не знаю, может, сдать в милицию, но там не пожалеют, там примерно накажут, как не раз мне говорили мои «дяди» Пётр Петрович и Иван Иванович. А может быть, сразу уйти в «завал», чего так хочет Терешкин? Пока не знаю, но так быть всё время не может. Не ругайте меня, не обижайтесь, а я попробую сам решить свои дела...

В первых числах марта на шахте случилась авария: в одном из конвейерных штреков произошло обрушение кровли. Конвейер был разрушен и завален породой, отгрузка угля прекратилась. Два дня ремонтники очищали завал, а теперь электрослесарям предстояло в кратчайшие

сроки отремонтировать и запустить конвейер, для чего на участке были созданы две сводные аварийные бригады слесарей, которые должны были работать без перерывов, сменяя одна другую. По предложению начальника участка Терешкин сам подбирал слесарей, при этом предупреждал, что работать придётся в авральном режиме, без длительных перекуров и раннего подъёма наверх. Увидев в списке бригады, которую возглавлял сам Терешкин, Кузнецова, он посоветовал перевести его к другому бригадиру, но получил неожиданно горячий протест:

– Иваныч, мы проверим, как он будет работать, что ты, как за маленького, за него дрожишь?

– Иван, там кровля «гуляет», смотри осторожнее – людей мне угробишь!

– Людей-то я не угроблю... – многозначительно ответил бригадир и улыбнулся хищной улыбкой.

– Сегодня всю ночь будут туда доставлять необходимое оборудование, а сборку начнёте завтра, спуск планируем в десять часов.

Всю ночь Киселёву не давала покоя улыбка Терешкина – «людей-то я не угроблю...», а утром, едва появившись на шахте, он позвонил сотруднику госбезопасности, с кем накануне встречался:

– Извините, у нас тут авария, ремонт... Да, в десять наряд, а потом все уйдут в шахту... Не могли бы вы прибыть к нам к этому времени по тому самому вопросу?... Нет, потом может быть поздно... Извините.

– Хорошо, наряд я вышлю, но вы не отпускайте его в шахту, чтобы нам не искать его под землёй, – сказал сотрудник.

Когда перед нарядом работники участка рассаживались по диванам, Ратке, который уже почти месяц работал врозь с Кузнецовым, отозвал его в сторонку и шепнул:

– Егор, я не знаю, что творится у нас, но тебе нельзя сегодня в шахту, ни в коем случае! Опасайся Терешкина, он что-то задумал...

– Хорошо, Марк, спасибо, – как-то отрешённо отозвался Егор и сел на своё обычное место.

Планёрка продолжалась долго, потому как обсуждали каждый эпизод, каждое действие, а для привлечённых с других участков некоторые задания приходилось повторять.

– Ну, кажется, теперь всё, – подвёл итог планёрке Киселёв, – сейчас выкурить дежурную папироску – и вниз! Клеть уже ждёт вас.

Вместе с другими работниками Егор стоял в коридоре комбината у раскомандировки и молча курил. Чуть поодаль Терешкин что-то горячо объяснял Коробкову и Чулкову, изредка бросая взгляды на Егора. В это время под окном заурчала машина, из которой вышли три милиционера в длинных синих шинелях и сразу направились к участку ВШТ.

– Так, товарищи, где мы можем найти Егора Кузнецова?

– А-а, где-то здесь он был... Здесь он курил... – народу в коридоре стояло много, и все стали крутить головами в поисках Кузнецова, а эти слова стали для Егора спусковым крючком.

Многодневное напряжение и страхи сделали своё дело: едва услышал он свою фамилию, как сорвался с места и побежал вглубь комбината, туда, где был служебный выход, через который можно было попасть во двор шахтовых строений и где-нибудь укрыться. У парадного подъезда стояла милицейская машина, значит, туда нельзя...

– Да вот он, вот! – раздались ему в спину крики шахтёров, и следом – крик Терешкина:

– Товарищ милиционер, вы на машине отсеките его от отвала, а мы его здесь погоним!

62 Это была охота на дикого зверя. С десятка добровольцев кинулись за Егором, а милиционеры на машине поспешили к тому месту, где за последними шахтовыми постройками начинались отвалы породы. Далеко вывозить её было накладно, и потому водители грузовиков приносились высыпать свой груз в полукилометре от территории шахты. Бездумно, тяжело и как-то обречённо бежал Егор в сторону отвала. Спрятаться там было негде, но страх гнал его от шахты именно туда, а крики и свист преследующих рабочих только подгоняли его. Добежал до отвала. Горки породы были разной величины, все покрыты уже чуть подтаявшим снегом, под которым торчали острые камни. Егор упал, разбив в кровь коленку, но тут же поднялся и снова бросился бежать. Второй раз он упал на руки, а поскольку рукавицы-верхонки были у него в кармане робы, то поранил обе руки. Он остановился, осмотрел – руки кровили.

Бегущие за ним, как в настоящей охоте на волка, растянулись цепочкой, подбодряемые главным загонщиком – Терешкиным:

– Смотрите на этого злодея, у него руки в крови! Гони его, ребята! Ату его! Там и возьмём этого иуду!

Егор увидел, что милицейская машина, добравшись до края отвала, остановилась и три сотрудника теперь бежали ему навстречу. Расстояние между ним и преследователями сокращалось. Поняв, что скрыться уже некуда, он тяжело поднялся на взгорок из породы, собираясь спуститься с него, но увидел сквозь подтаявший мартовский снег решётку из бруса, которая закрывала доступ в шурф.

«Это вертикальный резервный ствол», – механически работал его мозг. Егор помнил, как годили два назад одна хозяйка жаловалась, что её корова, которая паслась в районе отвалов, провалилась в шахту: то ли люк был открыт, то ли прогнила решётка, закрывавшая его. Слово забыв о погоне, Егор весь сосредоточился на этой решётке. Она есть, она лежит, но выдержит ли она вес человека? Зачем ему ступать на решётку, если под ней зияет бездна?! Ответа у него не было, но он продолжал осматривать её с какой-то маниакальной тягой, даже ногой попробовал, и увидел, как она заметно просела, а в её отверстия вниз посыпались мелкие камни.

«Вот их-то они уже не поймут: ни милиция, ни эти загонщики», – продолжал подсказывать ему воспалённый и до смерти испуганный мозг.

– Эй, ты, стой! – кричал бригадир, всё больше сокращая расстояние между ними. – Там ямка глубокая, туда нельзя!..

– Тебе-то какая разница, Терешкин, куда мне можно, а куда нельзя?! Что тебе надо от меня?!

– А вот возьмём тебя, начистим тебе морду за все твои дела, а потом в тюрьму отправим, и тогда будет полный порядок!

– Эй, мужики, его не трогать, он наш! – это кричали милиционеры. Они чуть поотстали от шахтёров и теперь карабкались на очередной холм породы. В руках одного из них был револьвер.

– Что я вам-то сделал? – чуть не плача, спросил Егор милиционеров.

– Вот арестуем тебя, тогда и узнаешь, как закон нарушать, а пока стой, где стоишь!

– Ну что, Кузя, сколько брал за грешную душу? Как всегда, по тридцать сребреников? Пора, однако, рассчитаться!..

– Стойте! – что есть мочи закричал Егор. – Не подходите ко мне, а то я наступлю на решётку! Я сам пойду, куда скажете, но не подходите ко мне! Мне теперь всё равно!

– Ах, так?! Ну, гад, я тебя сам возьму! – возопил Терешкин и с железным прутом бросился на него, неуверенно стоявшего на самом краю шах-

товой бездны. Егор качнулся назад, стараясь удержаться на ногах.

– Стоять! – заорал милиционер и два раза выстрелил в воздух.

Истошные крики и выстрелы заставили попятиться Егора, балансирующего на краю пропасти, нога в резиновом сапоге скользнула вниз, раздався хруст прогнившей древесины, и он неумолимо заскользил вниз. Одной рукой Егор ухватился за часть решётки, что ещё держалась по периметру ствола, но в следующий миг и она рухнула, увлекая за собой человека. Он молча ушёл в бездну...

– Вот и всё, конец пришёл предателю и душегубцу! – голос Терешкина звучал звонко и, казалось, весело.

– Ты что сделал, козёл?! – кричал милиционер, осторожно приближаясь к темнеющему отверстию, откуда поднимался пар. – Он был наш, а ты зачем полез?

Казалось, он был так рассержен, что готов застрелить непокорного шахтёра с железякой. Но бригадир было не страшно: свою задачу он выполнил и тот, кого он хотел наказать, – наказан!

– И козёл тут не я, а вот он, – Терешкин указал пальцем на чернеющую в земле дыру. – А если он был ваш, то вы и забирайте его.

– А он точно там? – неуверенно спросил сотрудник. – Здесь глубоко?

– Метров сто, а то и больше, и всё вниз! Раньше где-то тут рядом корова провалилась, так потом только один рог нашли, а мясо и молоко стирали со стенок шурфа.

Назад милиционеры и шахтёры-загонщики возвращались поврозь и молча...

* * *

К вечеру того же дня начальнику шахты стало известно о случившемся на отвале. Терешкин, получив задание от милиционера поднять тело Егора Кузнецова, поспешил к начальнику участка и доложил, как всё происходило, переложив всю вину на милиционера: стрелять начал, орал на Егора, а тот испугался и упал в шурф. Как люди, проработавшие на шахте много лет, они понимали, что поднять тело из шахты непросто, наверняка его раскидало по шурфу. Понадобится несколько человек, чтобы осмотреть место трагедии, составить протокол осмотра для прокуратуры и милиции, собрать останки жертвы. Резервный ствол находился далеко от коренного ствола, и вся работа с доставкой тела к клетки займёт уйму времени, потребует многих усилий.

В самом начале разговора, едва услышав от бригадира фамилию погибшего, Киселёв вскинулся:

– Я же тебе запретил что-либо делать! Ты что, подлец, на убийство пошёл?!

– Бог с тобой, Виктор Иванович! Сам он провалился в люк...

– Как же он провалился, если люк был закрыт решёткой?..

– Видать, прогнила решётка-то, он как ступил на неё, так и провалился, вот ей-ей! – пылко оправдывался бригадир.

– Ты один его туда загнал?

– Да нет, со мной были Коробков, Чулков, Сагитов и ещё мужики. Мы его уговаривали отойти от ствола... Да если не верите, спросите у ребят, они тут сидят, в раскомандировке...

– Ладно, тебя потом милиция опросит и их тоже! Вот им всё и расскажете...

– Да чё им говорить, когда три энкавэдэшника там были и всё видели. Кстати, они тоже говорили ему отойти от люка и не делать глупостей, а он сделал...

– То, что он сделал, не глупость, а самоубийство, и вы его к этому подвигли!

– Ничё мы его не двигали, он сам от испуга качнулся, оступился назад и... всё!..

– А чего он испугался-то?

– Ну мильтон один кричал ему, что никуда он от них не спрячется, и велел ему идти в машину, давай стрелять в воздух, а я...

– А ты? Что ты ему сказал?

– «Стой, сучонок! – говорю. – Все равно мы тебя достанем!» А он испугался и попятился...

– Этот паренёк, Ваня, на твоей совести будет теперь до конца дней. Затравили вы его своим «завалом», он ведь тоже слышал про эти дела.

– Не знаю, может, и слышал... Но я же его не толкал, я даже про завал не говорил...

– Ладно, ты пока предупреди своих балбесов, чтобы они обо всём этом молчали! Я пойду к начальнику шахты и доложу, попрошу людей, технику, да и врача надо будет взять с собой... А вдруг?.. – Он с полной безнадёгой в глазах смотрел на своего бригадира.

– Никаких «вдруг», Иваныч, это ж больше ста метров вниз!..

– Иди, Иван, но никому ни слова!

Начальник шахты мрачно выслушал Киселёва, что-то чиркнул на листе, а потом объявил:

– Жаль пацана! Конечно, мы его поднимем, дадим людей, но не сейчас, Виктор Иванович, завтра, сегодня уже поздно. Да, а ты слышал радио?

– Нет, а что? – встревожился Киселёв. – Неужто опять война?

– Не война, но... Иосиф Виссарионович болен, сейчас по радио объявили, он без сознания...

– Бог ты мой! – горестно протянул начальник участка. – И что теперь?

– Что-что? Ждать и верить, что железный организм нашего вождя одолеет этот недуг, а пока такие вот «нулевые случаи» нигде и никому не объявлять – одного горя хватает!

В это время в кабинет заглянула секретарша и доложила, что звонят из госбезопасности.

– Соедини!

Киселёв поднялся со стула и хотел выйти, но начальник махнул ему рукой: сиди!

– Это по нашему случаю! – сказал он, на секунду зажав трубку.

– ...Так, понял... Есть! Мы это сделаем! Да, сразу ко мне... Хорошо. До свидания.

Положив трубку на аппарат, начальник шахты вытер пот с лица и заговорил каким-то потерянным голосом:

– Они уже знают об этом случае... Это был их человек, как говорится, «стукачок», но он где-то напортачил, и они хотели его арестовать – такие у них порядки! Может быть, и надо таких в каталажку отправлять, а? Сколько из-за них людей пострадало! А твои-то рабочие зачем за ним бегали, чай, не милиционеры?!

– Не милиционеры... – замылся Киселёв. – Но хотели его... м-м... задержать, привести...

– Говори прямо, не крути тут, хотели в «завал» отправить? Руки чешутся?

– Завал-то внизу, а они за ним поверху гонялись...

– Ладно, сегодня уже ничего не сделаем, а завтра с утра займёмся, если других команд сверху не будет.

– А какие могут быть ещё команды?

– Хо-хо, такие могут быть, что!.. Уже из горкома партии звонили, и было велено провести политинформации на всех участках, сообщить рабочим бюллетени о состоянии здоровья товарища Сталина, а потом провести общешахтовый митинг в поддержку здоровья вождя мирового пролетариата. Такие дела на завтра, а тут ты со своим стукачом! В общем, сейчас этот товарищ, – начальник кивнул на телефон, – посоветовал

не поднимать шум по этому делу, завтра или послезавтра тихо доставить тело наверх и передать его родным в закрытом гробу. Гроб не открывать, все похороны провести за счёт шахты, помощь оказывать родным, но пока тот вопрос, — он недвусмысленно поднял палец, — как-то не решится, про наш «нулевой случай» чтобы не узнала ни одна живая душа. Так и накажи своим архаровцам.

— Уже наказал...

Утром следующего дня на шахте была создана группа и выделено всё необходимое оборудование для поднятия тела Егора Кузнецова, а уже вечером тело покойного в деревянном, не обитом тканью гробу было доставлено домой. Сопровождавший повозку с гробом сотрудник милиции настоятельно советовал Кузнецовым без лишнего шума похоронить Егора на следующий день, сообщил, что могила уже готова, при этом добавил:

— Ещё одно требование: гроб не открывать ни в коем случае! Это приказ! Если вы его попытаетесь открыть, то назад не закроете. Наш человек проконтролирует вас, а шахта выделит вам людей, которые помогут захоронить покойного. Да смотрите мне, без самостоятельности. У вас беда, но вы знаете, что товарищ Сталин болен, инсульт у него, а это беда не ровня вашей!

Всю ночь оцепеневшие в горе Кузнецовы сидели у закрытого гроба, не смея лишний раз прикоснуться к нему, а не то чтобы вскрыть. У них не только отняли близкого человека, у них отнимали из памяти даже образ этого человека. Прощаясь с покойным, люди надолго запоминают его, то выражение лица, с которым он уходит в Вечность. Здесь же в памяти близких людей останется лишь грубо сколоченный, некрашенный гроб да ещё страшно гнетущее сомнение: а действительно ли там тот человек, которого знали и любили. И это сомнение будет омрачать их сознание все последующие годы.

Утром ко двору Кузнецовых подъехали на телеге два работника с конного двора и мужчина в офицерских хромовых сапогах, в гражданском плаще, из-под которого были видны брюки военного покроя. Потеснив закаменевших в горе родственников покойного, офицер тщательно осмотрел гроб и, убедившись, что он не вскрывался, приказал выносить его.

Фёдор и Никита с помощью работников конного двора вынесли гроб из избы и поставили на

телегу, а мужчина в штатском тут же велел накрыть его попоной, то же сделали с крестом.

— Что же так-то? — надтреснутым голосом спросила Алёна Ивановна. — Человека хороним, не куклу...

— А вы знаете, бабуля, чем занимался этот человек? Что ж вы хотите, чтобы вся улица рыдала вам вслед? Давайте спросим у людей? — человек в галифе явно издевался над старой женщиной.

— Мама, не надо, — Фёдор подошёл к ней и отвёл в сторону.

За эту ночь Алёна Ивановна, впрочем, как и все Кузнецовы, казалось, в конец постарела, обессилела и едва держалась на ногах.

— Поехали уже, — махнула рукой женщина. — Витюшку только подсадите ко мне на телегу.

— Открывай ворота, — продолжал командовать человек в плаще.

Но едва телега выкатилась за ограду, как в доме напротив распахнулось окно и Кондрат Пивоваров закричал на всю улицу:

— Слушайте, товарищи, что творится-то!..

Свой неистовый крик он сопровождал тем, что на подоконник выставил радиоприёмник и прибавил громкость: «...Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза!».

«Дорогие товарищи и друзья...» — неслось из окна, а мужчина в галифе подошёл к ограде Пивоваровых и, грозя пальцем, выругался:

— А ну выключи сейчас же! Я тебя, дед, сейчас в каталажку заберу! А ну брысь!..

Но из радио, заглушая его угрозы, продолжало звучать: «Совет министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался председатель Совета министров Союза ССР и секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин».

Телега остановилась, военный перестал кричать, а все Кузнецовы, даже маленький Витюшка, стали жадно слушать речь Левитана: «Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина...»

Казалось, всё вокруг: и дома, и люди, и даже первые весенние птахи, что расселись на обнажённых кронах деревьев, — замерли в трагическом молчании, слушая эту горькую весть, а мужчина в сапогах и галифе обессиленно уро-

нил голову на дрогу телеги и застыл на какое-то время, но вскоре он встрепенулся и, обращаясь к участникам похорон, сказал:

– Так, граждане, с вами всё ясно... Вы, – он ткнул в сторону конюхов, – везёте на кладбище, поможете захоронить, но только не в оградке, а за ней, там увидите...

– Почему так-то? – зло спросил Никита. – Вроде православный?..

– Поп запретил: самоубийц всегда хоронили в стороне...

– Ты посмотри на него, – криво усмехнулся Фёдор, – в Бога не веруют, но попа слушаются! Хоть бы штаны военные снял, дядя!

– Но-но! – судорожно погрозил ему кулаком «дядя». – Я с тобой потом... Ты у меня смотри!.. Значит, мужики, всё сделаете как надо, а ваш начальник пусть доложит нашему дежурному в отдел. Всё, я полетел! А ты, – теперь он уже грозил кулаком старику Пивоварову, – перестань тут разводить контрреволюционные разговорчики! Я доберусь и до тебя! – После чего он быстрым строевым шагом направился в сторону шахты.

– Милай, – кричал ему вслед осмелевший Кондрат Пивоваров, – это ж не я, а товарищ Левитан с тобой говорил, дурак ты этакий!

– Однако как он растерялся! – глядя вслед уходящему, проговорил Никита. – Вроде военный человек, а как задёргался!..

– Наша беда ему навроде забавы, а тут, смотри, галопом поскакал, – проговорила Алёна Ивановна и, перекрестившись, только для своих произнесла негромко: – Прибрал Бог супостата! Может, теперь и людям жить станет легче?..

Старая малограмотная женщина, прожившая долгую и трудную жизнь, уже давно поняла для себя, откуда в их село, в их дом, в их жизнь приходили беды и кто стоит за всем этим злом, но в душе продолжала верить, что скоро всё изменится к лучшему. Жаль только, любимого внука уже не будет рядом с ней...

ЭПИЛОГ

Чем дальше уходила страна от войны, тем более менялся её облик. Вставали из руин города, возрождались разрушенные заводы и фабрики, а тут же, рядом, строились новые. Менялись и люди. Ещё вчера они были мрачны, замкнуты и по большей части обозлены как на врага, так и на те обстоятельства, в которых им приходилось жить, а правильнее сказать, выживать, но сейчас их лица просветлели, на них всё чаще

гостили добрые улыбки, на улицах и в домах зазвучал смех. Ещё вчера казалось, никогда не будет прощения тем врагам, что посмели нарушить покой мирной страны, свергнуть её в пучину бед и испытаний, но уже в середине пятидесятых как в больших городах, так и в малых рабочих посёлках, подобно Белово, те же люди уже с сочувствием смотрели на колонны пленных немцев, японцев, венгров, румын и прочих поборников Гитлера, которые направлялись на работу в шахту, на завод или стройку, а сердобольные старушки и не знающие зла дети делились с ними хлебом и прочими скромными продуктами. Только великая страна могла в короткий срок из атмосферы ненависти и мщенья вернуться к доброте и состраданию.

Уже в первые послевоенные годы наиболее ослабленных и больных военнопленных стали освобождать из лагерей, разрешая им возвращаться на родину. В начале 1950-х потоки репатриированных возросли. Одними из первых отравились домой венгры, румыны, болгары, в то время как немцы и японцы ещё выбирали до конца меру своей вины перед русским народом. Последовавшие одна за другой амнистии начала пятидесятых, наконец, позволили выехать на родину японским и немецким военнопленным, труд которых использовался на стройках народного хозяйства. Эти события оставили заметный след и в среде спецпоселенцев посёлка Чертинский 2/3. Теперь редкий день машины с крытым кузовом не увозили на железнодорожный вокзал группы бывших военнопленных. После «аденауэровской амнистии», последовавшей в сентябре 1955 года, дождался, наконец, своего часа Фёдор Кузнецов, и в октябре с большой группой немцев он выбыл в Германию.

Перед отъездом Фёдор и Никита побывали на своей малой родине, в Урском. Нашли брата около горелой сосны ту самую берёзу, которая хранила все эти долгие годы саблю, что отковал их прадед в честь победы русских войск над Наполеоном и которую Федя Кузнецов при отступлении с казаками в далёком 1919-м надёжно укрыл в пустоте ствола корявой берёзы. По возвращении в Белово он передал саблю матери со словами: «Вы на родине живёте, где наши предки жили, пусть их подарок будет с вами и пусть станет он для всего рода кузнецовского счастливым талисманом». Прощаясь, каждый из Кузнецовых понимал, что новой встречи у них может и не быть, и всё же расста-

вались с лёгким сердцем, с надеждой на лучшую жизнь. К концу 1956-го Кузбасс покинули последние военнопленные иностранных армий.

Радикально стала меняться жизнь после исторического XX съезда партии, на котором был развенчан культ личности Сталина. Именно тогда началась новая полоса жизни страны, получившая уже в те годы своё название – хрущёвская оттепель. Ещё раньше, сразу после расстрела в 1953 году Л. П. Берии, в аппарате МГБ, как центре, так и на местах, началась грандиозная чистка: органы безопасности избавлялись от своих одиозных героев сталинского периода. И уже другие офицеры госбезопасности, по большей части призванные в МГБ из числа военных-фронтовиков, теперь искали следы тех, кто особенно усердствовал в развязанном терроре 1930-х и 1940-х годов. Тогда же началась реабилитация советских граждан, необоснованно репрессированных в годы тоталитаризма. Не всех коснулась она в те годы, поскольку носила заявительный характер. Кто-то не знал, что надо обращаться с ходатайством в соответствующие органы, но по большей части население, пережившее это страшное время, просто не решалось идти в органы, ставшие причиной их бед и несчастий. Что руководило этими людьми: неверие или глубинный страх – трудно сказать, и потому кампания по реабилитации жертв политических репрессий растянулась до конца двадцатого века.

Хитёр и коварен был Кутько Богдан Иванович, не раз менял он свою личину, образ жизни,

а всё же летом 1956-го его настигла справедливая, хоть и случайная кара. Иванов Борис Богданович, теперь живший под этой фамилией, – электрик одного из ЖКО посёлка Чертинский, любил в воскресные дни гулять в парке клуба «Горняк», где с удовольствием стрелял в тире, играл в городки, а свои прогулки обычно завершал у бочки с пивом на выходе из парка. Здесь-то и настигла его месть бывших зеков, которые узнали в нём того самого «вора в законе», много лет назад у них на глазах расправившегося с авторитетным вором по кличке Колесо.

События той поры тем или иным образом возымели действие на судьбы других героев. Марк Ратке наконец получил возможность узаконить свои отношения с Любой Селезнёвой и усыновить её ребёнка, а инженер Сигарёв, оправданный судом по всем статьям обвинения, был восстановлен в должности механика, а также на законном основании занял квартиру на улице Клубной, которая так и не принесла счастья Егору Кузнецову. Сам же Егор упокоился на поселковом кладбище, но за его оградой, вдали от своих усопших земляков, не отпетый священником. Издревле на Руси так хоронили самоубийц и великих грешников. А уже на следующий год чья-то равнодушная рука посадила над его могилой осинку, словно в память обо всех его прегрешениях, совершённых на этой земле, и трепетные листья дерева шептали ему все грустные истории, известные со дня сотворения мира...

2015–2018 гг., г. Кемерово, Белово

